

АННА МАЛЫШЕВА

ДЕТЕКТИВ

Привидения
являются в полдень

Издательство «Астрель»

Анна Витальевна Малышева
Привидения
являются в полдень

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168585

Привидения являются в полдень: АСТ, Астрель, Хранитель; М.; 2008

ISBN 978-5-17-051504-2, 978-5-271-20219-3, 978-5-9762-6807-4

Аннотация

Екатерина, служащая турбюро, поставила крест на семейной жизни и думает о переменах. Муж стал к ней равнодушен, ее старый друг, напротив, оказывает ей повышенное внимание. И все решилось бы просто, если бы одна за другой не начали погибать ее школьные подруги. Екатерина чувствует, что последней будет она сама... Но!.. По какому принципу убийца выбирает жертвы?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	67
Глава 4	102
Глава 5	144
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Анна Малышева

Привидения являются в полдень

Глава 1

Начинался дождь – один из первых майских дождей. В разрывах туч все еще сверкало солнце, его косые лучи освещали одну сторону длинного проспекта, но другая была уже в густой тени. На освещенной стороне редко мелькали фигуры прохожих, они вскидывали руки, к ним подъезжали машины – все торопились укрыться от внезапной грозы, скорее попасть домой. На теневой стороне не было никого – или просто так казалось. Впрочем, один человек здесь все же был. Он тоже куда-то торопился, широко шагал, придерживая рукой развевающиеся полы плаща, нервно оглядывался по сторонам, как будто что-то искал. Солнце скрылось, дождь припустил сильнее, прохожие исчезли. Мужчина втянул голову в плечи, прикрыл ладонью затылок, но это мало помогло, он промок насквозь. Еще несколько шагов – и он буквально впрыгнул в телефонную будку, захлопнув за со-

бой дверь с выбитыми стеклами, удостоверился, что автомат исправен, и торопливо набрал номер. Ожидая, пока ему ответят, он озирался по сторонам, высматривая прохожих. Но дождь уже стоял сплошной белой стеной, и даже если бы кто-то и прошел мимо, то вряд ли бы заметил человека в будке. Наконец ему ответили. Он говорил что-то, сбиваясь, явно путаясь в словах, звук его голоса совершенно заглушался шумом дождя. Порыв ветра распахнул дверцу и с грохотом захлопнул ее снова. Мужчина вздрогнул, оглянулся и заговорил громче.

– Нам непременно надо встретиться... – Это он повторил несколько раз, выбирая самые убедительные интонации. – Непременно. Как можно скорее. Да. Да. Лучше сегодня.

По его загорелой шее пробежала капля влаги и скрылась за измятым воротником рубашки. Капля дождя или пота? Другая капля сорвалась с кончика черной прядки волос, прилипшей к виску. Он вытер лоб тыльной стороной ладони, сказал: «Хорошо» – и повесил трубку. Хлопнул дверцей, запахнулся в плащ и вскоре исчез в белой пелене дождя. Теперь на проспекте на самом деле не было никого.

Женщина положила трубку и взглянула на себя в зеркало. Что-то ее там заинтересовало, и она включила настенный светильник, нагнулась поближе к стеклу. Долго разглядывала себя, проводила кончиками пальцев по корням жестких обесцвеченных волос, щурила накрашенные ресницы, поджимала губы. Потом раздраженно отстранилась от зеркала.

ла и сказала самой себе: «Скоро тридцать». Пожала плечами, усмехнулась, прошла в комнату. Было девять часов вечера, но на улице шел дождь, и в комнате было совсем темно. Женщина постояла у окна, заглянула за шкаф, поставленный так, что он отгораживал кроватку ее сына. Ребенок спал, раскинувшись поверх одеяла. Женщина осторожно укрыла его, подоткнув одеяло со всех сторон, отошла на цыпочках и снова тихо пробормотала:

– Кому это нужно?

Что она при этом имела в виду, осталось неясным – женщина уже долгое время жила одна, и у нее, как у многих одиноких людей, появилась привычка разговаривать с самой собой подобными отрывистыми фразами.

На кухне она налила себе чашку кофе, сделала пару глотков. Кофе оказался теплым, и она вылила содержимое чашки в раковину. Двигалась она порывисто, угловато. По лицу было видно, что мыслями она где-то очень далеко от этого кофе, от своей тесной квартирке, от ребенка, – вообще от всего, что ее окружало. Она машинально сунула руку в карман, достала пачку сигарет, открыла ее, заглянула. Пачка была пуста.

– Где была моя голова? – спросила сама себя женщина. – Черт это все возьми, где вообще все время была моя голова?

Она швырнула пустую пачку в мусорное ведро и торопливо вышла в прихожую. Накинула плащ, проверила деньги в кошельке, крупные купюры вытащила и оставила на полочке

рядом с телефоном. С собой взяла только пяти тысячную бумажку – на сигареты. Прислушалась к звукам. Слышен был только шум дождя за окнами. Ребенок крепко спал. Женщина взяла зонтик и вышла из квартиры, заперев за собой дверь на все замки.

Она торопливо прошла по темному двору, свернула за угол дома и вышла на хорошо освещенную улицу. Прямо перед ней в небе светилась неоновая реклама Моостранс-агентства, правее мигали огоньки ночного магазинчика. Но она шла мимо них, дальше, к зданию метро, вокруг которого густо расположились ночные палатки. Там кипела жизнь: парни в кожаных «косухах» громко смеялись, сразу из трех динамиков над разными киосками звучала музыка, гуляла совершенно пьяная и совершенно промокшая девица, время от времени пытаюсь закурить под дождем. Сигареты у нее тут же намокали и гасли, и тогда девица тихо, но отчетливо ругалась. Неподалеку от метро стояла милицейская патрульная машина, и около нее мыкался упитанный паренек в бронежилете и с автоматом.

Женщина выбрала в одном из киосков пачку своих обычных сигарет – она предпочитала крепкие, «Лаки страйк», – расплатилась, тут же, не отходя от киоска, распечатала пачку, полыхнула зажигалкой и под прикрытием зонтика спокойно отправилась обратно. Какой-то кавказец попросился к ней под зонтик – он, дескать, вымок, какой-то парень проводил ее остекленевшими глазами. «Накурился», – подумала

она про парня, а кавказцу ничего не ответила. Для того чтобы отшить подобных кавалеров, у нее всегда уходило немного усилий. «А вот чтобы кого надо приворожить, – вздохнула она про себя, затягиваясь резким, щекочущим дымом, – вот для этого ума надо побольше... Дождь вроде кончился».

Действительно, дождь кончился, только изредка с черного неба капало. Женщина закрыла зонтик, отряхнула его и пошла неторопливо, пользуясь возможностью прогуляться перед сном. «Может, хоть усну нормально, – думала она, стараясь держаться поближе к освещенной магистрали. – Хотя нет, поможет мне прогулка как мертвому припарки... Делай что хочешь – не уснешь. Почему я такая дура? Почему другие как-то могут устраиваться, а я – нет? И сегодня он опять отказался зайти. Стоило унижаться! Очень он нужен своей красавице, можно подумать! Эта наглая тварь никогда его за человека не держала... Детей у них нет. А я? Нет, я что-то не то делаю. Надо что-то решать!»

Этой женщине было всего двадцать восемь лет, у нее была хорошая фигура, мягкие ухоженные руки, красивые голубые глаза. У нее была однокомнатная квартира в хорошем районе Москвы, норковая шубка из кусочков, машина – правда, не на ходу, – два золотых кольца с мелкими бриллиантами (которые остались у нее дома, на полочке рядом с телефоном). Два золотых кольца, ни одно из них не было обручальным. Еще у женщины был сын. И она, имея все это, чувствовала себя глубоко несчастной. В этот майский вечер и во все

предыдущие вечера.

«Есть еще один выход! – думала она, отходя несколько в сторону от дороги, чтобы несущиеся мимо машины не обдали брызгами ее светлый плащ. – Надо позвонить ему, то есть уже не ему, а прямо ей. Позвонить и все сказать. Какого черта я до сих пор молчу?! Представляю себе сцену, представляю! Стоит ей только все узнать!»

С этими мыслями женщина вошла к себе во двор, ступая еще медленнее и осторожнее, чтобы не свернуть каблук. Окурок она выбросила, он прочертил в воздухе огненную дугу и шлепнулся в лужу. Где-то сзади хлопнула дверца машины. Женщина открыла дверь своего подъезда, ступила в душную темноту, удивилась тому, что лампочка, которая при ее выходе горела на площадке первого этажа, теперь потухла. «Перегорела, как назло, – подумала она. – Или вывернули, очень просто. Бабки из нашего же дома выворачивают и свои, перегоревшие, вворачивают. Очень даже просто».

Она занесла ногу над ступенькой, опасаясь попасть мимо, неуверенно ступила. Занесла другую ногу, покрепче взялась за перила. В доме не было лифта, о чем она всегда очень жалела. Подняв голову, она отметила, что темно и на площадке второго этажа. «Чушь какая, ведь когда я уходила, было светло, – удивилась она. – А на третьем? Нет, на моем этаже вроде горит... Что за дела?»

На площадке первого этажа не было дверей – с другой стороны дома располагался продуктовый магазин. Она протя-

нула вперед руку, чтобы не вытереть плащом не очень чистую стену. В это время хлопнула дверь – в подъезд кто-то вошел. Она обернулась, но, конечно, никого не увидела.

– Темень какая, – сказала она тем не менее, полагая, что это кто-то из соседей.

«Давно пора поставить домофон, шляются всякие!» – подумала она. Никто ей не ответил, раздались быстрые шаги – бетонная площадка, три ступеньки. Неизвестно почему, она осталась на месте. Может быть, потому, что и на втором этаже было темно, бежать было бы трудно. Если бы там было светло, она бы еще попробовала.

– Что... – успела только начать сдавленным голосом, всей кожей чувствуя неладное, как тут же узнала мужчину, который подошел вплотную. – Тьфу, это ты! Как ты меня напугал! Что ты тут делаешь?

Мужчина поднялся еще на одну ступеньку, и она в который раз отметила, насколько он выше ее. Она смотрела на него снизу вверх. Его лица она не различала в темноте, но узнавала его, как узнают своих старых знакомых по фигуре, по форме головы, даже по дыханию. А его она узнала еще и по запаху одеколона. Он всегда пользовался одним и тем же одеколоном, и однажды она спросила, как он называется. Услышав ответ, засмеялась: «Это так тебе подходит!»

– Ты что, в гости? – спросила она, отступая немного назад, чтобы они могли вдвоем разместиться на площадке. – Я тебя вообще-то не ждала...

Внезапно она почувствовала, какая холодная и жесткая стена у нее за спиной. Очень холодная и очень жесткая, особенно когда по ней царапаешь ногтями, бьешь острым каблучком, пытаешься вырваться, мотаешь головой, задыхаясь, пытаешься крикнуть, еще не понимая, что мешает тебе дышать...

Глаза она все время держала открытыми и внезапно увидела лицо мужчины так, словно в подъезде вспыхнул яркий свет. «Свет, – пронеслось у нее в голове. – Кто-то включил свет. Здесь».

Ей казалось, что она борется все успешнее, вот-вот вырвется, вывернет шею из туго намотанного платка, исчезнет эта безжалостная стена позади нее. По крайней мере, боли больше не было. Боли не было совсем. Откуда-то появился воздух – воздух был светящийся, зеленый, почему-то совсем насыщенный – им невозможно было наддышаться всласть, невозможно было вздохнуть хоть раз. В ушах у нее оглушительно звенело, и она уже не чувствовала ни рук, ни ног, ни стены. Мужчину она тоже уже не видела.

В подъезде было совершенно темно и тихо. Женщина перестала сопротивляться, и теперь тому, кто видел эту пару со стороны, могло показаться, что это встретились любовники и мужчина нежно поддерживает обеими руками голову женщины, чтобы поцеловать ее в губы. Он тяжело дышал, она же не произносила ни звука. Спустя какое-то время он отпустил ее, резко дернув к себе обмотанный вокруг ее шеи шелковый шарфик. Женщина осела на пол, проехав спиной по грязной

стене. Плащ собрался гармошкой у нее на плечах и рукавах, ноги вытянулись на всю площадку, с одной из них свалилась светлая туфля. Мужчина склонился над женщиной, торопливо обшарил ее одежду, задрал короткую узкую юбку и рывками принялся стягивать с ее бедер колготки и резко белеющие в темноте трусики. Внезапно ему показалось, что на каком-то этаже наверху открылась дверь. Он замер, прислушиваясь, и, убедившись, что где-то высоко действительно звучат чьи-то шаги, молниеносно выхватил из кармана ножницы, разрезал трусики по боковым швам и, сорвав их, сунул себе в карман и бегом бросился вон из подъезда.

Свою машину он оставил в дальнем конце двора, и к ней пришлось бежать, бежать не разбирая дороги, прямо по грязи и лужам, под дождем, который снова припустил вовсю. Наконец мужчина отпер дверцу, сел за руль, включил зажигание и торопливо стартовал. Насколько он видел, никто из подъезда не вышел, тем более не выбежал с диким криком, никто его не догонял. «Это могли быть соседи, – сказал он себе, выруливая на магистраль и вливаясь в поток машин. – Тише, не гони, тут пост. Проехали. Это могли быть соседи. Сосед пошел к соседу за щепоткой соли. Глупости. Никто за тобой не едет!»

Никто за ним не ехал, в этом он убедился, свернув на Пресню, углубившись в переулки и окольными путями выехав на Тверской бульвар. Убедив себя в этом, он включил «дворники», чтобы стереть с лобового стекла последние кап-

ли дождя, который перестал идти, опустил до половины стекло и сунул в рот плиточку мятной жевательной резинки – во рту был противный кислый вкус.

– Мерзавка! – сказал мужчина вслух, думая о том комочке материи, который лежал у него в кармане. – Моя милая, дорогая, моя душечка, мерзавка! Вот теперь все!

Огни его машины мелькнули в конце бульвара и совсем перестали выделяться в потоке других, точно таких же огней.

«Отвратительный день, – подумала она, вынимая ногу из туфли и всовывая ее в тапочку с большим розовым помпоном. – Совершенно неудачно все сложилось, как назло! А его дома нет, гляди-ка! Без пятнадцати десять! И где шляется?»

Катя бросила сумочку на тумбу в прихожей, пристроила в угол большой пакет, из которого торчали две длинные французские булки и слегка увядшая белая роза, и прошла в комнату мужа. Когда-то, в начале их совместной жизни, эта комната называлась «общей», а другая, где теперь обитала она, – «спальной». Но общего у них с давних пор осталось так немного, а спали вместе они так редко, что эти две комнаты как-то сами собой поменяли свое предназначение и названия и теперь назывались просто – комната Кати и комната Игоря.

– Так, – сказала она вслух, оглядев обычный беспорядок. – Мы не убрались. Чего и следовало ожидать. Это все оставлено тебе, Катенька!

Она подняла с пола смятую рубашку, отметила машиналь-

но, что ворот ее стал совсем серым, прибавила к ней парочку валявшихся тут же носков и отметила про себя, что муж унесся куда-то как на пожар. В углу на столике бормотал невыключенный приемник, она сделала звук погромче и прослушала сводку погоды на завтра. В Москве ожидалась теплая солнечная погода, преимущественно без осадков. «Да, это весна, – сказала она себе. – А чудес что-то не видеть... Чудесная весна у меня, однако!»

На столике рядом с приемником стоял пустой стакан, она взяла его и понюхала. Слабо пахло джином.

– Он пил мой джин, – пожаловалась она неизвестно кому. – Куда я должна его спрятать, чтобы он к нему не прикладывался?! На работу унести и запереть в сейф?! Придурок!

Стакан Катя унесла на кухню, рубашку и носки кинула в стиральную машину. Стирки снова набрался полный бак, но когда стирать, сушить и гладить – никому не известно. Но об этом Катя уже не думала. Она страшно замерзла и потому торопилась сделать себе что-нибудь горячее. Поставила чайник на плиту, сняла с себя мокрый белый пиджак и повесила его на спинку стула. В ванной разделась, окатилась горячей водой под душем, растерлась мохнатым полотенцем и несколько пришла в себя. Мир теперь не казался таким ужасным, каким был в ее глазах весь вечер. Плохо было только то, что начинала болеть голова.

«Я слишком много работаю, – сказала про себя Катя, вы-

пив таблетку цитрамона. Подумала и выпила еще одну. – Все от этого. И еще от того, что покоя нет. Нет, хоть тресни, хоть расшибись ради этого покоя! Как мало мне, в сущности, надо! Но и этой малости нет... Хотя пора бы ей уже появиться, пора бы успокоиться...»

Чайник вскипел, и она устроилась за кухонным столом с большой фарфоровой кружкой в руке. Дула на дымящуюся поверхность чая, слушала редкий стук капель о стекло балкона и думала о сегодняшнем неудачном дне. В сущности, единственной настоящей неудачей был ее утренний визит в парикмахерскую. Но зато и неприятностей с этой стороны она никак не ожидала. Стриглась она уже несколько лет у одного и того же мастера. Мастер этот, а вернее, мастерица никогда не обманывала ее ожиданий. Во-первых, Ира Ардашева была ее старой школьной подругой, когда-то они вместе с Катей закончили десятый класс. Во-вторых, Ира на самом деле была классным парикмахером, и к ней на стрижку постоянно была записана целая очередь жаждущих преобразиться под ее ловкими, мягкими, всегда очень ухоженными руками. Катя, как подруга и «просто как хороший человек», по выражению Иры, всегда проходила к ней без очереди. В довершение всего Ира никогда не брала с Кати денег сверх положенного, хотя та, смущенная своей привилегией, несколько раз пыталась сунуть ей «на чай». «Обойдусь! – отказывалась Ира. – Тебе нужнее!»

– Вот и обошлась! – пробормотала Катя себе под нос, ощу-

пывая размокший и развившийся над ухом локон. – Боже мой, что она мне настригла!

Сегодня, впервые за последние два года, был совершенно разрушен образ Кати – тот самый образ, который Ира когда-то сама и создала. «Посмотри на себя в зеркало! – требовала она, усаживая Катю в кресло. – Ты ведь вылитая та баба, по которой все мужики в свое время сходили с ума!» Она показала Кате киножурнал, валявшийся у нее на столике, и Катя с удивлением узнала большой фотопортрет Марлен Дитрих. «Думаешь, есть что-то общее? – неуверенно спросила она тогда. – Мне так не кажется...» – «Скулы, нос, лоб, подбородок...» – зачастила Ира, вертя кресло вместе с Катей в разные стороны. Катя критически осматривала себя в зеркале. Да, действительно, Ира в чем-то была права. Насчет «вылитая» можно было поспорить, но что-то есть, что-то, несомненно, есть в этом лице, всегда слишком белом, сколько ни загорай, в этих высоких, дугами выгнутых тонких бровях и в этих глазах, спокойных серых глазах, которые всегда смотрят так, словно ждут чего-то... Хотя на самом деле ничего они не ждут, подумала тогда Катя и согласилась: «Ладно, стриги!»

И тогда, два года назад, она превратилась в Марлен Дитрих – в Марлен Дитрих с ее прямыми плечами, насмешливыми улыбками и светлыми брючными костюмами. И со светлыми локонами Марлен вокруг лица, которым все любовались с тех пор, как она себя помнила. Однако сама она не находила в нем ничего потрясающего – и не кривила душой.

«Игорь сказал бы, что это мой обычный скептицизм, – подумала она, прихлебывая из кружки остывающий чай. – Интересно, что он скажет, увидев меня сегодня? И где он бродит в самом деле?»

А на самом деле это ее не очень волновало: то, где он бродит, и то, что он скажет. В ее отношениях с мужем давно наметилась странная закономерность: она совершенно не замечала его, когда он был дома, но всегда замечала его отсутствие. «Я ревную? – Она улыбнулась одними уголками губ. – Глупости! Ревновать совершенно не к кому и не к чему... О, я бы даже обрадовалась, если бы могла его ревновать! Это бы значило, по крайней мере, что еще не все погибло... Но это все, все. Это конец».

Но от этих грустных размышлений, как ни странно, ей вовсе не сделалось грустно. Она погрузилась в воспоминания, чашка чаю стояла перед ней недопитой, рука теребила махровый пояс белого халата, но Катя, по-видимому, не признавала этого. Ее серые глаза потемнели, как было всегда, когда она о чем-то глубоко задумывалась, и приобрели странное выражение. Казалось, она кого-то видела перед собой, хотя кухня была совершенно пуста.

«Кажется, что все это началось очень давно, – думала она. – На самом деле – совсем недавно... Мне было двадцать лет. Восемь лет назад. Игорю было двадцать три. Студент биофака МГУ. Хорошая партия, как говорили все. Квартира, кооперативная квартира сразу, от его папы. Редкостное

счастье, и все мне завидовали. Сам весьма недурен – высокий, лицо приятное, разве что несколько полноват... А глаза – зеленые, и еще красивей, чем у меня, пусть говорят, что хотят. Да, глаза у него были красивые». Тут она поймала себя на мысли, что думает о муже в прошедшем времени. «Почему были? – удивилась она. – Разве сейчас они уже не так красивы, как раньше? Нет, для меня сейчас в нем нет ничего красивого. Все исчезло, хотя все осталось на месте. Но, Боже мой, почему? Значит ли это, что я никогда его не любила? То, что я чувствовала, обычно называют любовью. По крайней мере, так это принято было называть, сейчас я ни за что не сказала бы, что это любовь. Но это сейчас... Для этого надо стать такой, какая я есть...»

Она вздохнула, допила холодный чай и отправилась к себе в комнату. По дороге подняла с пола в прихожей пакет, достала оттуда розу, а длинные булки разломала, точнее, разорвала пополам и упаковала плотнее, чтобы они не высохли. Пакет она положила на холодильник в прихожей, а розу унесла к себе. С ней она и легла на тахту, свернулась калачиком и закрыла глаза. «Я очень устала, – сказала она себе. – Мне надо уснуть, и немедленно. Завтра рано на работу. Почему я не могу уснуть, не дожидаясь его прихода? Зачем мне нужно видеть, как он входит, смотрит этими своими собачьими глазами, точнее, глазами побитой собаки? Зачем слышать, как он говорит: „Ездил за мясом...“

Неужели это просто последняя видимость семейных отно-

шений, которую я пытаюсь сохранить? Встречать мужа, говорить ему «привет». Ложиться спать – всегда у себя, всегда отдельно на этой тахте, вот уже четвертый год... Боже мой, как это дико! Если кто-нибудь услышит, что мы с ним живем вдвоем как монахи-отшельники, чисто и безгрешно, умрет со смеху! Впрочем, что тут умирать... Сразу скажет – лечиться надо. Он лечится, он уже четвертый год лечится, а толку нет. Врачи говорят ему: здесь плохая экология, у вас переутомление, расшатаны нервы, нужно серьезное лечение, смена обстановки... Но так говорят, когда больше нечего сказать. Все равно у него ничего не выйдет, ни с Марлен Дитрих, ни с Брижит Бардо! Это необратимо. Это смешно!»

Но она не засмеялась. Вздрогнули длинные ресницы, по лицу пробежала какая-то тень. В маленькой комнате над постелью горел зеленый светильник, освещая ее белый халат, коротко стриженную голову, руку, которая все теребила и теребила лепестки увядшей розы. По подоконнику барабанили капли дождя, так громко, что ей показалось, что окно открыто. Она даже подняла голову и взгляделась в него, убедившись в своей ошибке, она снова закрыла глаза.

«Возможно, виновата я. Он всегда находил меня слишком холодной. Говорил: „Не будь такой надменной хотя бы в постели!“ Возможно, я. Нет, при чем тут я, когда я всегда оставалась одной и той же, это он менялся с каждым годом! Если бы причина была во мне, в моем поведении, в постели или не в постели, тогда почему он с самого начала вообще не был им-

потентом? Все было нормально, нечего сваливать на меня... Я бы поняла, если бы в конце концов ему надоела и он нашел бы себе другую женщину – для встреч или для новой семьи, мне, в сущности, все равно! Но он просто заболел. Принято обвинять женщин, но я не виновата ни в чем. Слишком холодна? Но, милый мой, мне-то не было холодно! Мне всегда было жарко, уж во фригидности меня обвинять смешно! В чем ты чувствовал холод? Во мне? Или этот холод всегда таился в тебе самом? Боже мой, теперь этого уже не понять... Теперь холод повсюду, холод между нами, да что там – холод! Лед, бронированное стекло! Две разные комнаты. „Привет, будешь ужинать? Будешь? Тогда приготовь себе ужин сам, я очень устала“. Моя мама сошла бы с ума, если бы услышала, как мы с ним разговариваем. Но она никогда этого не слышала. Для нее все нормально, все как было. Нормальная семья. Я никогда никому не жаловалась. Когда он потерял свою работу и стал возить из этого дурацкого пригородного хозяйства мясо на какой-то базарчик, когда он стал зарабатывать какие-то копейки, стала зарабатывать я. Его мясо арестовывали, потому что у него не хватало каких-то справок, он не мог его сдать ни в один магазин – никто не работает с частными лицами, с ним случались все неприятности, все до единой, какие только могут постичь разорившегося коммерсанта-одиночку, а я кормила его. Может быть, из-за этого он стал импотентом? Из-за своей неудачи в делах? Из-за уязвленного самолюбия? Такое тоже бывает... Но нет, все

началось куда раньше...»

Она открыла глаза и посмотрела на часы. Отметила, что уже без десяти одиннадцать, а его все нет.

«Это уже слишком. – Она поймала себя на том, что начинает беспокоиться. – Что могло случиться? Обычно он не задерживается так допоздна. Да и где ему задерживаться? На рынке ведь он не торгует, только сдает мясо торговцам. Ездит в пригород за мясом и привозит его в Москву, вот и весь бизнес. Но разве сегодня он собирался куда-то ехать? Кажется, нет... Или да, уже не знаю. Надо было спросить. Но зачем бы я стала спрашивать?»

Как раз в это время в замочной скважине повернулся ключ, и она услышала, как открылась входная дверь. Помимо своей воли она вскочила и вышла в прихожую.

– Поздно, – сорвалось у нее.

Он встретил эти слова удивленным взглядом.

– Ты что, беспокоилась? – спросил, наклоняясь и расшнуровывая ботинки. – Напрасно. Я немного задержался...

– Немного? – иронически переспросила она. – Уже одиннадцать!

– Я тебе удивляюсь. – Он выпрямился, и она почти с ненавистью встретила взгляд этих виноватых зеленых глаз. – Я ведь не маленький. Мне, конечно, очень приятно, что ты обо мне беспокоилась. Но ты ведь знала, что я поеду за мясом.

– За мясом? Нет, этого я не знала! – отрезала она. – И помилуй, какое мясо в такое время! Ночь на дворе!

– Мне надо было привезти мясо... – пробормотал он, боком стараясь протиснуться мимо Кати на кухню. – Мне заказали...

– Мяса полный холодильник. – Она открыла дверцу холодильника, стоявшего в прихожей. Из-за этого занятия мужа в квартире приходилось держать два холодильника, чтобы хранить мясо, которое он почему-либо не успевал сдать. – Битком набито.

– Это телятина, а мне заказали говядину, – донеслось из кухни, и вслед за этим там прогремели крышкой кастрюли.

– И где же эта говядина? – крикнула она туда.

– Сдал, – последовал короткий ответ, и Катя вернулась к себе в комнату, плотно прикрыв дверь, чтобы не слышать и не видеть мужа. В прихожей повис устойчивый запах его одеколona – раньше он нравился Кате, теперь же вызывал массу неприятных ощущений. «Но дело не в том, что муж или одеколон стали хуже, – сказала она себе, укладываясь в постель. – Дело в том, что оба мне осточертели! Пусть дело во мне, если так! Пропади все пропадом!»

Она повернулась в постели и ахнула – в бок впились какие-то колючки. Катя села и извлекла из-под себя смятую розу. Швырнула ее на ковер... «Ну что за день такой! Ирка меня обкорнала почти под мальчика, Дима, кажется, ужаснулся, когда увидел... Да все на работе ужаснулись! Хотя из вежливости говорили, что мне так еще лучше... Может, я еще и привыкну к такой стрижке, а нет – так придется

покупать парик... А Игорь даже не обратил внимания! Вот до чего дошло – смотрит на меня и даже не видит... Это конец, куда уж дальше! День был сумбурный, развалилась уже сформированная группа на Фиджи, у кого-то оказался недействительный паспорт. Паспорт-то не заметила я, когда брала деньги за путевку, а почему не заметила? Думала о другом, было о чем подумать. Да, было. Думала, наверное, о Диме. Он опять настаивал на моем разводе, приспичило ему на мне жениться, верный мой рыцарь без страха и упрека... Старая любовь, со школьной скамьи! Вот чем увенчалась эта его любовь – дождался своего, когда пришло время, я ведь не каменная, мне кто-то нужен... Игорь может быть доволен – пока все было в порядке, ну хотя бы в постели я была ему верна. Но потом – чего он мог требовать? Дима вытащил меня из нищеты, меня и Игоря, Дима появился и дал мне работу в своем турбюро, Дима платил мне хорошие деньги, устраивал мне поездки за границу, побывала на всех курортах, конечно, только благодаря ему... Дима утешил меня и в постели. Место было свободно, и он его занял. А как я чувствую себя после этого? О, чудесно! Как я еще могу себя чувствовать?! Я должна быть счастлива! Муж-тихоня, любовник-ангел, прекрасная работа, деньги. Эта чертова стрижка, эта чертова роза, которую мне преподносит Дима в знак своих нежных чувств, преподносит на глазах у всего персонала, ничуть не скрывая наших отношений. Эта чертова погода, этот дождь, из-за которого я вымокла как мышь, потому что

не взяла с собой зонтика, а у Димы в конце рабочего дня появились какие-то дела, и он укатил, расцеловав мне ручки! Я – чертова шлюха, самая настоящая шлюха, потому что я не люблю больше никого, ни того, ни другого, а когда женщина не любит, она становится шлюхой».

В дверь ее комнаты тихо постучали. Она села и зажгла свет.

– Можно? – Игорь приотворил дверь и заглянул. – Катя, я забыл тебе сказать, ты прекрасно выглядишь. Стрижка замечательная!

– Это произведение Ирины, – мрачно ответила она. – Мои школьные друзья меня не забывают, радуют, чем только могут.

Он неловко улыбнулся. «Ты ведь все знаешь про меня и про Диму, ты ведь все знаешь с самого начала! – прокричала она про себя, встретив его взгляд. – Почему ты молчишь? Тебе все равно? Ну назови меня шлюхой, скажи мне то, что я заслужила! Я бы тебя тогда уважала! Но ты молчишь, ты позволяешь брать меня первому встречному! Мне грош цена после этого! Хоть выругайся, в конце концов!»

Игорь, видимо, что-то почувствовал. Он изменился в лице, подошел к постели и присел на краешек. Она удивленно посторонилась, давая ему место. Такие нежности давно уже были у них не в ходу.

– Что-то случилось? – спросил он, вглядываясь в ее лицо. – Неприятности?

– Так, мелочи, – неопределенно ответила она. – Скорее плохое настроение.

– Из-за стрижки?

– Нет. – Она пристально посмотрела на него. – Есть другие причины.

«Он испугался, – отметила она про себя. – Сжался весь, бедняга. Он боится, что я снова начну выяснять отношения. Боится моих признаний в неверности. Все давно в прошлом, все признались, все выяснили. Говорить не о чем. Зачем он тут сидит?»

Словно услышав ее мысли, Игорь сделал движение, чтобы подняться.

– Раз ты не хочешь говорить... – пробормотал он. – Я пойду поем.

– Постой! – Она вдруг схватила его за рукав, обнаружив при этом, что он промок насквозь. – Ой, что это? Где ты так промок? Что, машина сломалась?

– Машина в порядке, промок еще за городом, – ответил он, – пришлось ждать на улице, пока придет один человек.

– Я тоже промокла. – Она глядела ему прямо в глаза. – Один человек не смог меня подвезти до дому, а зонтика у меня не было.

Воцарилось молчание. Он наконец встал.

– Ты ни о чем не хочешь меня спросить? – Она подняла брови, глядя на него с неприкрытой издевкой. – Тебе совсем неинтересно, как я провожу свое время?

– Думаю, что я знаю, как ты его проводишь последние несколько лет, – тихо ответил он. – Тебе хотелось бы поговорить об этом? Мне – нет.

– Тема неприятная, верно? – Она прикрылась простыней, заметив, что сидит перед мужем совсем голая. – Наводит на разные мысли?

– Мысль у меня только одна, – ответил он. – Я знаю, что я тебе обуза. Я давно предлагал развестись. Зачем ты меня мучаешь?

– Я тебя мучаю? – Она рассмеялась, смех вышел злой и неестественный. – Это я тебя мучаю? Нет, мой дорогой, оставь мне хотя бы надежду!

– Я тебя не понимаю, – отозвался он, отводя глаза. – Надежду на что?

– Надежду на то, что я все же порядочная женщина, – сказала она. – Иначе мне будет очень трудно жить. А не понимаешь ты меня давно. Можно сказать, никогда не понимал.

– Тебя понять трудно. Если мы разведемся и ты будешь спокойно жить одна, ты не будешь порядочной женщиной? Или, чтобы быть ею, тебе нужна отметка в паспорте о том, что ты замужем?

– Глупости! – оборвала она его. – Я не хочу менять шило на мыло! Прости, но, если мы разведемся и я выйду замуж за Диму – а это он мне много раз предлагал, – будь уверен, я окажусь в том же самом положении. Если я и разведусь с тобой, то только тогда, когда кого-нибудь полюблю. А, теперь

ты улыбаешься! Тебе смешно слышать, что я кого-то могу полюбить?

– Всегда думал, что настоящая любовь у тебя впереди, – ответил он. Теперь он на самом деле улыбался. – А разница между мной и Димой, я полагаю, все же есть. Так что это не совсем шило на мыло, сама подумай.

– Эта разница, – усмехнулась она. – Сколько разговоров об этом, сколько врачей, сколько слез! А она не стоит ничего! Опять смеешься! Прости, но не могу же я развестись с тобой и выйти замуж за другого, такого же чужого мне человека только потому, что у него стоит, а у тебя – нет!

Он то ли поморщился, то ли улыбнулся – понять было трудно. Заметив на полу розу, наклонился, поднял ее и положил на постель.

– Ты сказала главное слово. – Он говорил очень спокойно, и она притихла. – Нет, это не слово «стоит». Это слово – «чужой». На самом деле ты права. Дело только в этом слове.

Она хотела что-то сказать, но он остановил ее жестом:

– Я хорошо понимаю, что, как только ты найдешь кого-то, кто будет соответствовать твоему идеалу, ты со мной расстанешься. Я сам виноват, что не смог быть для тебя тем, кто тебе нужен. Помолчи, прошу тебя!

Катины пальцы быстро терзали белые лепестки, сминали их и разбрасывали по постели. Ее губы были плотно сжаты, глаза опущены.

– Если ты считаешь, что порядочно жить вместе так, как

живем мы с тобой, – я буду с тобой жить, – продолжал он. – Если ты перестанешь так считать – я уйду. Тебе надо только сказать мне об этом. Но не надо меня мучить. Ты хотела напомнить мне о том, что вынуждена иметь любовника, которого не любишь точно так же, как меня? Ты хотела, чтобы я посочувствовал твоей судьбе? Я сочувствую и жалею, что не знаю никого, достойного тебя, чтобы вас познакомить. Ты хотела, чтобы я ревновал? Ты знаешь, что ревновать я не имею права, – как я могу...

Катя растерзала розу в клочки.

– Ты хочешь вечно напоминать мне о моем позоре, – заключил он. – Давай договоримся раз и навсегда: или мы молчим об этом и живем вместе, или мы расстаемся. Невозможно говорить об этом каждый день. Если хочешь, обсуждай это со своими подругами. Но не со мной.

– Ты знаешь, что у меня нет привычки откровенничать на такие темы, – солгала Катя. – Хорошо, я больше не заикнусь об этом. Кончено. Скажу только одно: если ты считаешь, что заболел из-за меня, – найди себе другую женщину, пока я буду искать другого мужчину.

– Ты знаешь, что мне теперь не нужен никто, – сказал он странным, хриплым голосом. – Никто вообще. И прошу тебя об этом молчать!

– Все, молчу. – Катя несколькими взмахами очистила постель от лепестков. – Не надо говорить ни о чем, ты прав. Просто было скверно на душе. Но это мое дело. Иди поешь

и переоденься. Рубашка вся мокрая.

– В самом деле... – Он провел ладонью по груди. – Я и не замечал.

Он уже подошел к двери, когда она окликнула его:

– И послушай, не мог бы ты сделать одолжение и не душиться так сильно? Невозможно находиться с тобой рядом.

– Тебе кажется, – отозвался он, скрываясь за дверью. – Запах вовсе не такой сильный.

Она потушила свет, закуталась в одеяло и закрыла глаза. «Спать, спать и не плакать, – приказала она себе. – Завтра рано вставать. Надо разыскать того мужика с неисправным паспортом. Где он живет? Кажется, в Мытищах... Мытищи...» Мысли стали путаться, и она уснула внезапно, словно кто-то вынул у нее из головы батарейку, приводящую в движение разум. Она на самом деле очень устала.

А муж ее в это время лежал на диване в другой комнате, слушая ночное бормотание радиоприемника. Окна бывшей «общей» комнаты выходили на оживленную улицу с большим движением, которое не стихало даже ночью. Он считал, что бессонница развилась у него именно потому, что ему мешал шум проносящихся внизу машин, резкие гудки, вой сигнализации вдоль обочины дороги, который отдавался у него резкой болью в виске. И теперь он медленно, осторожно массировал левую сторону головы двумя пальцами, прислушиваясь к неутихающей боли. «Надо выпить таблетку, – подумал он. – Но таблетки у Кати. Она уже спит, наверное».

Но даже если бы она не спала, он не решился бы сейчас войти к ней. «Моя милая, дорогая... – твердил он про себя. – Моя милая, дорогая...» Эти слова теперь не имели для него никакого смысла. Он повторял их просто так, чтобы забыть-ся, не понимая, о ком говорит. Женщина в соседней комнате не производила ни звука. Если бы она стала ворочаться в постели, он бы немедленно это услышал. Но там было тихо.

Мужчина встал, подошел к окну и откинул штору. Вгляделся в несущийся вниз поток огней, в ряд освещенных киосков у дома напротив. Вдрогнул, словно ему внезапно стало холодно.

– Это ужасно, – прошептал он почти беззвучно. – Значит, скоро я сойду с ума. Это так и кончится. Я сойду с ума, если она узнает...

Возле окна действительно было холодно, но он продолжал так стоять, пока совсем не продрог.

Глава 2

На другое утро Катю разбудил звонок в дверь. Она испуганно подняла встрепанную голову, посмотрела на будильник. «Проспала? – было первой мыслью. – Почему он не звонил?» Но тут же она поняла, что будильник звонить не мог – стрелка еще не подошла к восьми часам, когда она обычно вставала. В дверь снова позвонили. «Кто бы это мог быть?» Катя выбралась из постели, накинула халат и пошла открывать. По дороге заглянула в комнату Игоря и увидела, что диван застелен покрывалом и мужа в комнате нет. «Уже ушел? – удивилась она. – Заработался мужик...»

– Кто там? – спросила она, прикинув к двери. Посмотрев в глазок, она тут же увидела, кто там, и открыла. – Привет! Что случилось?

– Ничего, – сказал Дима, быстро окинув глазами прихожую. – Ты одна?

– Одна, можешь войти. – Катя пропустила его в квартиру и закрыла дверь. – Еще и восьми нет, почему ты так рано?

Дима обычно заезжал за ней без пятнадцати девять, но никогда не поднимался вверх, а ждал ее в своей машине за углом дома. Сегодняшнее его поведение было из ряда вон. Катя с недоумением рассматривала неожиданного гостя.

Он был высокого роста (ей всегда везло с высокими мужчинами), очень худой, но мускулистый. Лицо подвижное,

нервное, прямой тонкий нос, длинные губы с красивым изгибом, щеки синеватые от быстро прорастающей щетины. Брюнет, круглые черные глаза сильно навывкате, из-за чего Кате казалось, что он всегда чему-то удивляется. Сейчас эти глаза быстро обшаривали квартиру, в которую он попал впервые за все время их долгого знакомства.

– Слушай, я мог бы, конечно, подождать тебя в машине, – заговорил он, обхватывая ее плечи и целуя в щеку, в губы, в шею...

Катя упиралась ладонями ему в грудь и отталкивала его.

– Ну, не сердись! Просто я увидел, как твой вышел из подъезда и умотал куда-то, вот и решил подняться...

– А почему ты приехал так рано? – Ей удалось высвободиться и оправить халат, который успел распахнуться сверху донизу. – Ты что, решил следить за мной? Или за Игорем?

Дима поморщился и помотал головой. Движения у него были быстрые, резкие, за его мимикой трудно было уследить. «Ничуть не изменился со школы, – подумала Катя. – Такой же шепутной парень и вроде даже не взрослеет. Другие мужчины рядом с ним кажутся покойниками. И как он умудряется вечно помяться?» Дорогой бежевый костюм Димы, – костюм, который они с Катей вместе покупали в Италии, – выглядел так, словно его владелец в нем хорошо выспался.

– Кофе дашь? – спросил он тем временем. – Или выкинешь меня за дверь?

– Начальников за дверь не выкидывают, – сказала Катя,

направляясь в ванную и приводя себя в относительный порядок перед зеркалом. Она была не накрашена, но перед Димой не стеснялась этого – он видел ее и не в таком виде. Ватный тампон с лосьоном, несколько взмахов массажкой... «При моей теперешней стрижке управляться с волосами проще простого, – подумала она. – Спасибо и за это...»

– Я поставил чайник! – послышалось из кухни. Дима, как всегда, быстро осваивался в новой обстановке. Любой хозяин, принимавший его у себя дома, немедленно начинал чувствовать себя гостем в собственной квартире. – Я поставил чайник, а у тебя сливки есть?

– Ну не в ванной же им быть! – несколько раздраженно отозвалась Катя. – Посмотри в холодильнике.

– Нашел!

Она вошла на кухню и застала Диму за рассматриванием большого букета засохших, почерневших роз, которые когда-то были красными. Букет давно следовало выкинуть, да у Кати все руки не доходили, а Игорь к подобным подношениям не притрагивался.

– Слушай, а как он относится к этому? – спросил Дима, показывая на букет. – Наверное, устраивает сцены?

Катя покачала головой и сняла с плиты вскипевший чайник. Воды в нем оказалось ровно на две чашки.

– Ты себе совершенно не представляешь нашу жизнь, – сказала она, насыпая в кружки растворимый кофе и сахар. – Никаких сцен он мне не устраивает. Относится спокойно.

Сцены в основном устраиваешь мне ты.

Дима вытащил из кармана сигареты и закурил, не притронувшись к кофе. Его круглые глаза показались Кате еще более удивленными, чем обычно.

– Я устраиваю сцены?

– Каждый день, – твердо сказала Катя. – Сколько можно мусолить одну и ту же тему?

– А, ты про развод... – протянул он. – Ну, знаешь, если это сцены... Ты же с ним погибнешь! Зачем он тебе нужен?

– Я пока не погубила и еще не собираюсь, – ответила она, – но он мне не нужен, тут ты прав.

«И ты мне не нужен, мой милый, но этого ты от меня не услышишь, – подумала она. – Или услышишь, но потом, потом. Благодетель ты мой!»

– Он мешает тебе жить, – продолжал утверждать Дима. – Какого черта! Ты никогда не можешь остаться у меня до утра!

– Никогда?

– Ну, несколько раз оставалась, но это мелочи! Я хочу, чтобы ты была свободна, понимаешь? Чтобы никому не давала отчета, куда пошла и где была, и откуда у тебя этот костюм и эти духи, и кто дарит тебе цветы каждый день!

– О, представляю себе нашу с тобой жизнь! – засмеялась Катя. – Вот ты и задавал бы мне все эти вопросы! А он как раз ни одного из них не задает!

– Да ему неинтересно, потому он не задает, – возразил

Дима. – Раз он тебя уже не любит.

– Он просто знает ответы на них, потому ничего не спрашивает, – отрезала Катя. – Нет у него такой дурацкой привычки! А вот ты... Ты говоришь, что хочешь, чтобы я была свободна! Свободна для чего? Для тебя? Для того, чтобы начать во всем отчитываться тебе?

– Ну, знаешь! – Дима фыркнул и взялся за кружку. – Я бы не стал тебя контролировать! Занималась бы, чем хотела! Я вообще не мешал бы тебе жить! Ты вбила себе в голову, что муж тебе не нужен, и не желаешь ничего слушать! Глупая история! Ни один мужчина не уговаривал женщину столько, сколько я тебя!

– Уговаривали и дольше, да ничего хорошего из этого не получалось, – вздохнула Катя. – Не понимаю, зачем вообще кого-то уговаривать? Раз человек с самого начала ничего не хочет, то переубедить его нельзя. А если все же уломаешь, так он потом все тебе припомнит. Лучше не уговаривай меня, потом сам пожалеешь об этом. Будешь мне припоминать свои уговоры, свои унижения, и кончится тем, что ты выгонишь меня из фирмы!

Дима захохотал.

– Ты странная женщина! – воскликнул он, вытирая слезы, выступившие у него на глазах. – До чего ты любишь рассуждать на разные темы! С ума сойти! Ладно, не хочешь – не надо! Мой час еще придет.

«Как пришел однажды твой час, – подумала Катя. – Да,

когда-то ты дождался своего. В школе ты был моей тенью. Говорил, что влюблен. Все знали об этом, все, все до одного – и учителя, и ученики... Меня, неизвестно почему, записали уже тебе в невесты... Меня это злило – ведь ты мне тогда совсем не нравился. Меня злило, что ты все решал за меня. Тебе даже не надо было спрашивать, согласна я или нет. Ты просто считал меня своей будущей женой. Смешной! Смешной худой парень с безумными черными глазами! Ты нравился многим девчонкам, они сходили по тебе с ума, особенно Ирка... Да, Ардашева по тебе просто убивалась. Я ее утешала: постой, дескать, все переменится, он поймет, что с меня проку не будет, и тогда ты возьмешь свое! Но, удивительный человек, ничего он не понял! После школы мы вообще не должны были видаться, а он все равно звонил, приглашал куда-то, не обращая внимания на то, что у меня есть муж, дарил цветы на день рождения и прочие праздники, не давал забыть о себе... Что ж, мне это было приятно – приятно знать, что уже несколько лет возле тебя есть рыцарь, правда, смешной и какой-то несерьезный... Рыцарь, который дарит тебе цветы, смотрит жадными глазами при „случайных“ встречах, которые сам подстраивает, рыцарь, который хочет тебя до скрипа в зубах. Господи, как это щекотало мое самолюбие! И все эти годы я даже не бросила ему ни одной косточки, ни разу его не поцеловала, ну разве что в щеку. Ничего с моей стороны, все – с его. И вот он дождался своего часа... Да, четыре, почти четыре года назад, когда у Игоря

это началось... Сначала я ни о чем таком и не думала, потом... потом мне показалось, что я больше не интересую ни одного мужчину. Ни одного мужчину, хотя дело было только в Игоре. Но я этого не понимала. Состояние было ужасное. И вот опять появился он. И я поняла, что что-то изменилось. Изменилась я сама, изменился мой муж, изменился сам Дима. Он стал уверенней, наглей, настойчивей, как будто догадывался о чем-то. А может, и впрямь догадывался. Может, по мне уже все было видно, было видно, что уже полгода ко мне не прикасался мужчина. И настал тот вечер».

Даже сейчас, годы спустя, когда все угрызения совести давно остались позади, тот вечер вспомнился ей в мельчайших деталях. Был конец марта, и дела пошли совсем плохо. Игорь внезапно ушел из лаборатории, где работал все время после института. Почему ушел? «Меня сократили, я больше никому не нужен... – сказал он ей. – Но я попробую что-то поискать». Началась хандра. Катя в ужасе подсчитывала семейный бюджет и убеждалась в том, что на свою зарплату (тогда, в двадцать четыре года, она только начинала работать штатным сотрудником в одном из женских журналов) она прокормить себя и мужа не сможет. За плечами у нее остался факультет журналистики МГУ, в настоящем был безработный, потерявший к ней интерес муж, а в будущем не было совершенно ничего. Пустота. И когда снова явился Дима и пригласил ее в кафе, посидеть, вспомнить старое, Катя согласилась. «Кажется мне, что в тот вечер я даже была не осо-

бенно сыта, – вспоминала она теперь, глядя, как Дима пьет кофе и жует бутерброд с сыром. – Нет, дома, конечно, была овсяная каша и яичница... Но есть я эту гадость больше не могла. Предпочитала быть голодной».

В кафе Дима заказал роскошный ужин, шампанское, какое-то вино, обшлепанное со всех сторон фирменными этикетками, и немедленно предложил Кате работу. «Работу? – Катя не поверила своим ушам. – Что же это за работа?» Она слабо представляла себе, чем все эти годы занимался Дима, – как-то не интересовалась этим, как вообще не интересовалась Димой. «Классная работа, – сказал он, между делом беря ее руку и сжимая в своей. – У меня в турфирме. Дел не впрокорот. У тебя классная голова, язык подвешен, ты ведь журналистка. Английский знаешь?» Выяснилось, что Катя знает английский очень хорошо, а французский – еще лучше. «Ах да! – хлопнул Дима ресницами. В его глазах застыло веселое удивление. – Ведь в нашей группе в школе ты была лучшей по французскому! Как я забыл!» И Катя согласилась работать у него немедленно, как только он назвал ей сумму оклада. «Плюс поездки за бугор, и, заметь, за счет фирмы! – заговорщицки шептал Дима, поедая глазами вырез ее кофточки. – Шикарная работа! Катенька, вся твоя жизнь пойдет по-другому!»

И жизнь Кати пошла по-другому. Теперь у нее было совсем немного свободного времени, чтобы подумать о себе и о муже. И это было к лучшему – думать об этом было

горько. Игорь, судя по всему, оказался безнадежен. «Что там за врачи-коновалы! – возмущалась она, когда он приносил ей очередной диагноз. – Я сама поищу кого-нибудь. Нужен нормальный специалист». – «И без специалистов все понятно... – бормотал Игорь, заваливаясь на диван. – А теперь – уйди, пожалуйста!» Он закрывал глаза и лежал так, пока Катя не покидала комнату. Одевался он все хуже, хотя Катя и привозила ему из-за границы время от времени что-нибудь приличное. Внезапно он занялся этой безнадежной коммерцией – мясом. Катя долго удивлялась, как это ему пришло в голову, но, выслушав несколько лекций про чрезвычайно низкую закупочную цену в подмосковных совхозах, про парную телятину и знакомых торговцев на рынках, умолкла и купила второй холодильник. Купила новый гарнитур на кухню – он был привезен из Арабских Эмиратов, купила новый телевизор с видеомagneитофоном, купила новую итальянскую спальню, в которой спала одна, шубу и два полных шкафа вещей. При этом она отмечала, что каждая новая покупка доставляет ей все меньше радости. «Зажралась я, что ли? – размышляла она. – Или это жизнь у меня такая безрадостная?» Некоторое время ее мучил один вопрос: унижает ли ее то, что она стала любовницей Димы? «Могут подумать, что я сделала это, чтобы получить работу, – рассуждала она. – Но никто ведь не знает, что случилось с моим мужем... Он есть, и в то же время его нет. А Дима? Лучше он, чем первый встречный. Лучше, конечно, лучше. Чем я могла его от-

благодарить? Что у меня было? Женщина всю жизнь благодарит, благодарит, благодарит... И, как правило, всегда одним и тем же способом. Фу-ты, грязь какая! Вляпалась, Катенька, вляпалась наша гордая Катенька! Забудь про Марлен Дитрих и посмотри на себя, какая ты есть. Расплатилась одним местом со своим начальником. И платишь, и платишь, и платишь! А если я не за работу в фирме плачу! Если я плачу за свою дурацкую жизнь, за Игоря, за его бессилие, за то, что я просто женщина и мне нужен кто-то, ну хоть кто-то, кто любил бы, кто иногда...»

– Алло! – Голос Димы испугнул ее.

Она спохватилась, что уже половина девятого, а она все еще не одета и не накрашена, и поднялась из-за стола.

– Посиди тут, – попросила она Диму. – Я сейчас приведу себя в порядок.

– Катя. – Он встал тоже. – Ты такая прелесть. Ну прости меня! Можно посмотреть, как ты будешь одеваться?

– Незачем, – ответила она. – Я одеваюсь быстро. Стриптиза все равно не увидишь.

– Не злись! – Он обошел стол и, обняв ее за плечи, повел в спальню, каким-то чутьем угадав, какая из двух комнат принадлежит ей. – Я просто посижу рядом. Я тебе не помешаю. Ну не злись на меня!

Она смирилась и указала ему на кресло, стоявшее в углу. Он расположился в нем и, попыхивая новой сигаретой, уставился на разобранную постель. Катя перехватила его взгляд.

– Нет времени, – быстро сказала она. – Не сходи с ума!

– С ума я сошел давно, – ответил он, не сводя с нее глаз. –

И виновата в этом ты.

– Во всем оказываюсь виновата я. – Она отвернулась и распахнула дверцы шкафа. Зеркало на внутренней стороне двери отразило лицо Димы – лицо напряженное, застывшее. «Он глядит на меня так, словно вот-вот бросится, – подумала она и повернула дверцу так, чтобы больше не видеть его лица. – Иногда он кажется мне настоящим сумасшедшим. Кто-то мне и говорил про него... А, Зина, на работе... Она считает его настоящим безумцем, но только потому, что он затеял эти дурацкие туры на Кубу. Кому они нужны? То есть туры были бы чудесные, но надо же выбрать такое место, такое время и такую программу! Никто не клюнет. Мы прогорим. Но пойдی объясни это Диме! Он ведь у нас царь и Бог и не слушает никого. Даже меня...»

Она достала из шкафа плечики с висящим на них костюмом цвета небеленого холста. Пробежалась пальцами по вороту пиджака, проверила, надежно ли сидят мелкие шелковистые пуговицы. Костюм был в порядке, даже гладить его не стоило. Она вышла с ним из-за дверцы и обнаружила Диму совсем рядом с собой. Пиджак он уже снял, и тот валялся в кресле.

– Слушай, я не шучу! – воскликнула она, чувствуя, как у нее отнимают костюм и вешают его обратно в шкаф. – Времени совсем нет! И я не хочу...

Она не договорила – он залепил ее рот своими горячими влажными губами. Одной рукой он поддерживал ее затылок, другой живо развязывал пояс халата. Вывернув голову, она возмущенно прошептала:

– Мы так не договаривались!

– Мне надоело с тобой договариваться, – таким же шепотом ответил он и повлек ее к постели. – Мне надоело тебя упрашивать каждый раз! В конце концов, можно подумать, что у тебя есть еще кто-то!

– Пусти! – Она вырвалась, но тут же снова оказалась в его объятиях. Дышал он тяжело, и по его глазам она поняла, что сопротивляться уже бесполезно. О, она уже хорошо изучила эти глаза, которые теряли свое кажущееся безумие как раз в самые безумные моменты.

В постели они смотрели на нее совершенно трезво, ей даже начинало иной раз казаться, что он ее фотографирует взглядом.

– Катя, слушай, – прошептал он ей в ухо, и она начала слабеть. Его горячее дыхание вливалось в нее и производило странные изменения в ее теле, обессиливало ее. – Катенька, скажи мне...

Но он ничего не попросил ее сказать, просто быстро скинул с себя оставшуюся одежду и лег рядом. Почти против своей воли она обняла его. Он быстро целовал ей грудь, ошупывал и раздвигал ноги, и ей казалось, что она становится совершенно мягкой и бескостной. Потом она сама поцело-

вала его и закрыла глаза. Мелькнула одна мысль: муж может неожиданно вернуться. «Я не знаю, куда он отправился, может, недалеко...» – подумала она и прижалась к Диме всем телом.

– Повернись! – попросил ее Дима беззвучным шепотом. – Ну, повернись!

– Нет, давай просто... – ответила она, и он покорился. Сегодня он был еще более резок, чем обычно, и несколько раз причинил ей боль. Но она ничего ему на это не сказала, просто начинала отталкивать его, и он тут же понимал, становился тише, двигался размереннее. Потом Катя отвернула голову в сторону и несколько раз глубоко вздохнула. Дима же оторвался от нее, скорчился на краю постели и отрывисто крикнул. Потом он замер.

– Я запачкал тебе простыню, – сказал он через пять минут. – Прости.

– Не важно. – Катя села и опустила ноги на ковер. – Ты уверен, что все в порядке?

– Да, не бойся, я не сделаю тебе ребенка. – Он тоже встал, прикрываясь рукой, и босиком пошел к двери. – Я помоюсь, а ты можешь уже одеваться. Правда, надо спешить.

Катя засмеялась, когда он скрылся в коридоре. «И вот он – финал! – подумала она. – По квартире Игоря ходит мужик с голой задницей и моется в его ванной. Ведь эта квартира принадлежит Игорю. Моя тут только мебель. Ну и пусть! Тем хуже для всех нас! Так далеко я еще не заходила, теперь

можно не обольщаться на свой счет. Порядочности хочешь, Катюша? А где она, твоя порядочность? Почему ты так по ней тоскуешь? Не потому ли, что давно ее утратила? Хватит обманываться!»

Она встала, натянула трусики, колготки, бюстгальтер, живо накрутилась, то и дело поглядывая на часы. «Опоздаваем! – мелькнула мысль. – А мне еще разбираться с этим мужиком из Мытищ... Надо будет ему звонить домой. Возвращать деньги, больше нечего делать...» Она натянула узкие брюки, застегнула пиджак, причесалась. «Ну, если я еще и похожа на Марлен Дитрих, то на такую Марлен, которая еще не успела хорошенько обрасти... – подумала она. – Нет, Ирина все же знает свое дело. Форма хорошая, и через недельку будет шикарно... Она только чуточку перестаралась».

Дима вбежал в комнату и торопливо принялся одеваться. – Ты знаешь, который час? – крикнул он ей. – Мы, к чертовой матери, опоздали! Мне надо ехать к непальцам, а они... – Он порылся по карманам и достал визитку. – Вот, 2-й Неопалимовский переулок, 14, дробь 7, и я должен там быть к десяти!

– Я тебе говорила! – холодно напомнила она. – Нет, тебе приспичило прямо сейчас! Что же теперь делать? Ты знаешь, куда ехать?

– Посмотрю по карте! – воскликнул он, застегивая последнюю пуговицу на пиджаке и снова обретая обычную свою беззаботность. – Не проблема! Давай, бежим! Я тебя все же

закину на работу.

Катя заторопилась за ним, бросив последний взгляд на простыню, скомканную и запачканную пахучей жидкостью. «Если бы Игорь как-то интересовался мной, он бы тут же все понял, – подумала она. – Но так... Нет смысла прибираться. Нет никакого смысла что-то скрывать. Нет, в том, что Дима отколол сегодня, нет ничего особенного. Этим все и должно было кончиться».

По дороге он болтал, рассказывая про свой вчерашний вечер. Он провел его с неким господином из японского консульства. Они сидели в японском ресторане, ели японские диковинные блюда, и Диме почти удалось договориться насчет нескольких заманчивых островных туров вдоль побережья Японии.

– Главное, выбрать нормальный сезон, чтобы наших туристов не накрыло цунами! – втолковывал он Кате. – Все остальное – туфта! Это можно сделать вообще даром!

– Что ты называешь – даром? – поинтересовалась Катя. – Слушай, наши туры на Маврикий стоят на пятьсот долларов выше, чем в среднем в других фирмах! Это, по-твоему, даром?

– У других нет прогулки под водой, – возразил Дима. – Это, по-твоему, не важно?

– Есть прогулки! – Катя отвернулась и стала смотреть в окно. – Есть прогулки, я узнавала. По требованию.

– Не учи меня делать дела! – раздраженно попросил он. –

Я придумал «Острова», когда никто не смотрел дальше Турции!

Турбюро «Острова» – детище Димы – занималось исключительно поездками на острова и островные государства. Дима категорически исключил из реестра путевок туры на материка, и даже полуострова вроде Италии не жаловал. «Надо держаться одной линии! – говорил он Кате. – Надо иметь свое лицо! Нас уже многие знают, так пусть знают, чего от нас ожидать. На хрена мне Америка, если есть Сейше-лы!» И теперь он целиком увлекся своей идеей создать новые туры на малопосещаемые, полудикие и даже совершенно дикие, необитаемые острова. «Представь себе, что мы любого можем сделать Робинзоном! – развивал он перед Катей сказочные перспективы. – Ну? Это же фильм с приключениями! Представь себе человека, задолбанного нашей жизнью, которому уже ничто не мило, на Испанию он положил, Францию всю объездил, и даже Ямайкой его не прошибешь! Что остается предложить такому человеку? Поехать на необитаемый остров и успокаивать нервы в полном одиночестве. Впрочем, можно предоставить ему и Пятницу – какую-нибудь местную девушку из сговорчивых...» – «Это уже сутенерство, – возражала Катя. – Смотри, далеко забрался! Тебя живо прикроют со всеми твоими Пятницами и Робинзонами! Такие случаи уже известны, но, слава Богу, у нас пока все было в порядке». Дима немедленно соглашался с тем, что девушки – дело рискованное, но Катя подозревала, что этой затее он

не оставил. И теперь он загорелся Японией.

– Жаль, что я не мог взять тебя на эту встречу! – вздохнул он, подъезжая к зданию, где располагалась их фирма. Это был обычный жилой дом. Фирма занимала две квартиры на первом этаже. Из этих квартир была сделана одна большая, где помещался кабинет Димы, две комнатки для работы с посетителями и бухгалтерия. Над подъездом красовался яркий новомодный навес, над которым всякий мог прочесть заманчивое слово «Острова», выведенное светящейся краской. Дима припарковал свой серый «Вольво» у подъезда, и они с Катей направились к дверям. Здесь они столкнулись с Зиной – она, так же как и Катя, работала с посетителями, оформляла туры и являлась, по словам Димы, любовницей «очень-очень нужного человека», который когда-то помог Диме устроить фирму.

Зина была эффектной жгучей брюнеткой с ярко-голубыми глазами. Она отличалась весьма своеобразным вкусом – в любое время года стремилась иметь на себе минимум одежды, а летом одевалась так, словно уже возлежала где-то на диком пляже. Посетители иной раз не знали, куда деть глаза, когда перед ними возникали пышные формы, обтянутые чуть ли не купальником. Зину ничуть это не смущало. «Острова так острова! – говорила она, когда кто-то пытался сделать ей замечание. – Мне жарко, хожу, как хочу. Пусть народ привыкает, что у нас сплошная экзотика!» Сегодня день выдался жаркий, совсем летний, и Зина разделась до предела –

ее грудь обтягивал фосфорически зеленый топик, на бедрах имелись шорты такого же дикого цвета, на босу ногу были надеты сандалии из множества переплетенных кожаных ремешков всех цветов радуги. Катя ей улыбнулась. Зина швырнула в урну докуренную сигарету.

– Тебе уже обзвонились, – сказала она Диме. – Мы работаем с девяти часов, или ты забыл? Я занимаюсь не своим делом, когда сижу у тебя на телефоне и всем говорю, что тебя еще нет.

– А своим делом ты занимаешься? – осведомился Дима. – Что, уже народ пришел?

– Пока нет, но ждем-с. – Зина двинулась в подъезд. – Вот, тебе опять звонят!

Дима кинулся на звонок, раздававшийся из его незапертого кабинета, переговорил там и опрометью кинулся вон.

На прощанье он успел крикнуть Кате: «Пообедаем вместе!» – и исчез за дверью.

Зина шумно вздохнула.

– Сумасшедший тип, – сказала она, глядя на Катю. – Как ты с ним общаешься? В глазах не рябит?

– Нормально общаюсь, пока здорова, – ответила Катя и прошла в свою комнатку.

Обстановка здесь была довольно скромная: белые стены, рабочий стол, парочка стульев для посетителей, сейф в углу, стеллажи с проспектами и ксерокс, занимающий почти четверть комнаты. На столе лежала папка с бумагами. Она, не

присаживаясь, открыла ее, пролистала ксерокопии загранпаспортов, нашла нужную, полезла в другую папку, где у нее хранились адреса участников тура на Фиджи, и тяжело вздохнула. У мужчины, которому следовало вернуть деньги за путевку, не оказалось домашнего телефона.

– Вот так номер! – пробормотала она себе под нос. – А мужик приедет прямо в аэропорт в полной уверенности, что сейчас отправится на Фиджи! Документы надо заслать сегодня, группа едет через три дня... Это что же значит – скандал?

– Скандал? – Рядом откуда-то появилась Зина. Она присела на край стола, и стол вздрогнул. – Почему скандал?

– Да у мужика паспорт не в порядке, я не заметила, взяла у него деньги, а теперь не могу его найти! – пожаловалась Катя. – Его надо хотя бы предупредить.

– Мужик-то московский?

– Из Мытищ. Видишь, нет телефона.

– Так съезди! – предложила Зина. – Ближний свет! Попроси Диму, он тебя отвезет.

– Обойдусь. – Катя снова углубилась в бумаги. – Нет, стоп, какой-то телефон есть... А, это его соседей.

– Так позвони им, пусть они его предупредят. – Зина встала со стола и отправилась к себе. – Не морочь себе голову. Ты слишком уж возишься с каждым клиентом, так работать нельзя!

«А так, как ты, можно! – проводила ее взглядом Катя. –

Ты ведь посетителям просто хамишь и вместо сервиса предоставляешь им любоваться своими обвисшими сиськами. Надо звонить, однако».

Она набрала номер, сверяясь с листком бумаги, и прислушалась. Услышав женский голос, отозвавшийся в трубке, она торопливо сказала:

– Здравствуйте, я сотрудник турфирмы и беспокою вас по поводу вашего соседа, Петракова Сергея. Видите ли, он дал нам ваш телефон, чтобы мы, в случае чего, могли его известить. Можно позвать его самого?

В трубке некоторое время помолчали, потом женщина неуверенно отозвалась:

– Это ты, что ли?

– Я – сотрудник турфирмы, – начала по второму кругу Катя.

Но голос перебил:

– Да я и так знаю, что ты сотрудник фирмы! Катюшка, брось придуриваться! Я тебя узнала!

Теперь узнала голос и Катя. Только тут она поняла, почему номер, который дал Петраков, показался ей чем-то знакомым. Она говорила с Анжеликой, своей школьной подругой, которая тоже жила в Мытищах. Катя так и ахнула:

– Слушай, Лика, это просто нарочно не придумаешь! Ведь я не знала, что звоню тебе, я твой номер наизусть не помню! Он правда дал нам твой номер, ну надо же! Вы что, соседи?

– Привет... – протянула Лика. – Ты же его один раз ви-

дела! Он Тимкин друг! Ну, помнишь, сидел у нас на кухне, пиво пил с Тимуром?

– Слушай, только теперь вспомнила... – протянула Катя.

Она действительно вспомнила, что уже видела однажды Петракова. Это был мрачноватый полный парень, и он на самом деле сидел на кухне с мужем Лики, когда она приехала в гости к подруге.

– Послушай, но у нас с ним и в самом деле проблема. Ты можешь его позвать? Потом поговорим.

Лирика исчезла куда-то и отсутствовала минут пять. Потом вернулась и сообщила:

– Как на грех, дома нет. Но он скоро придет, он всегда к двенадцати приходит на обед. Работает недалеко. Знаешь, цех рядом с моей мастерской? Они там заколки делают.

Анжелика работала в меховой мастерской, шила норковые шапки-обманки и зарабатывала «тяжелым физическим трудом» очень даже неплохо. Ее муж – Тимур – был коммерсантом, но что и откуда он возил, Катя не знала. Во всяком случае, услугами их турфирмы он ни разу не пользовался.

– А ты что не на работе? – поинтересовалась Катя.

– А я сегодня с трех до восьми, – сообщила Лирика. – Слушай, не будь свиньей, приезжай! Тебе ведь все равно надо с ним увидеться, так ведь?

– Но теперь он может просто нам позвонить, ты ведь ему передашь? – засомневалась Катя. Поездка в Мытищи ее не особенно впечатляла. На машину Димы она не рассчитыва-

ла, а добираться электричкой с Ярославского вокзала ей не хотелось. Но Лика была настойчива.

– Слушай, я тебя три месяца не видела! – говорила она.

Катя представила себе, какие глаза при этом сделала ее подруга. Глаза были прозрачные, еле-еле голубые, обведенные в любое время суток густой черной подводкой. Лика почему-то красилась как на панель.

– Ты что, совсем зазналась? В нашу деревню ни ногой?

– Да что ты! – возразила Катя, уже понимая, что поездки к Лике не избежать. Та отличалась бульдожьей хваткой. – Но у меня совсем нет времени... По крайней мере, сегодня. Ты бы меня так выручила, если бы сама поговорила с этим соседом.

– А вот не выручу, – мстительно сказала Лика. – Я тебя знаю, ты иначе не приедешь, если не по делу. Давай приезжай! Все-то езды полчаса от Ярославского! Ну, давай! Прямо сейчас!

– Ладно, – сдалась Катя. Она вспомнила, что деньги все равно придется возвращать самой. Лику об этом не попросишь. «Разделаюсь одним махом и с Ликой, и с Петраковым, – подумала она. – Один черт! Проволыню полдня, работа из-за этого не станет». – Я еду. Буду к двенадцати.

– Класс! – обрадовалась Лика. – Выпьем винишка, у меня есть! А то что это, в самом деле! У меня через неделю отпуск, мы с Тимкой поедem в Эмираты. Наконец-то он согласился меня взять. Когда еще увидимся! Ну, целую, и давай быстрее!

Катя положила трубку и вздохнула с облегчением. Она начинала понимать, что на самом деле ей хотелось увидаться с какой-нибудь старой подругой, выговориться, пожаловаться на то, на что ни одному мужчине не станешь жаловаться. «А то с кем я общаюсь? – сказала она себе. – С Игорем? С Димой? С дурой Зинкой или с Иррой, которую вижу раз в месяц, когда стригусь? А Лика немножечко базарная, спору нет, но все же человек теплый... Будет о чем поболтать».

Однако сразу уйти с работы ей не удалось, сначала пришлось принять двух клиентов – мужа и жену, которые прочитали в газете объявление их фирмы. Супруги желали быть отправленными на Ямайку, ни больше ни меньше. Они проявили большую любознательность, и Катя долго, почти сорок минут, расписывала им климат, природные красоты, первоклассный сервис (пять звездочек, суперкласс), полный пансион без ограничения спиртных напитков, ежедневное шоу, водный спорт, обучение подводному плаванию, присутствие на местных свадьбах и главное – доступную цену путевки.

– От двух тысяч долларов, – уже устало говорила она, продолжая ослепительно улыбаться задумчивым супругам. – Все входит в стоимость, вам ни за что не придется доплачивать. Авиакомпания «Эр-Франс».

– Ну что? – спросил супруг у своей тучной половины.

Половина пренебрежительно пожала плечами – «мы, мол, и не такое видали», но согласилась, едва разжав ярко нама-

занные губы. Катя бросилась оформлять документы, сняла ксерокопию с загранпаспортов, приняла деньги за две путевки, поулыбалась еще минут пять и отпустила супругов, предупредив, что в случае каких-то затруднений с визами позвонит им домой. Когда парочка ушла, было почти одиннадцать. Катя заперла сейф, бумаги в столе, привела в порядок стеллажи и покинула свою комнату, предупредив Зину, что едет к тому самому незадачливому клиенту в Мытищи.

– Ладно! – кивнула Зина, энергично что-то прожевывая. – А Димка приедет, что ему сказать?

– Ничего, – отрезала Катя. – Это моя работа, я ей и занимаюсь. Пусть занимается своей.

– Вы что, поссорились? – Зина мгновенно проглотила то, что было у нее во рту, и оживилась: – Ну да, с ним трудно ужиться.

– Все нормально, но ему вовсе не обязательно докладывать, куда я пошла и что я делаю в этот миг. – Катя набросила на плечо ремешок сумки. – И ты вовсе не обязана это делать.

– Он будет ревновать, – ответила та, ничуть не обидевшись. – Что я, Димку не знаю?! Он начнет меня трясти – куда ты поехала. Что, не говорить про Мытищи?

– Да ну его! – Катя махнула рукой и покинула комнатку Зины.

Анжелика жила в большом высотном доме недалеко от станции железной дороги. Катя добралась к ней в общей сложности за час, так что умудрилась быть точной. Позвонив

на первом этаже в большую, под дуб оклеенную железную дверь, она даже отшатнулась – дверь распахнули мгновенно, словно Лика ждала ее прихода в коридоре.

– Ну наконец-то! – встретила ее подруга радостным воплем. – Давай заваливай! О, класс, какая прическа! Мне тоже надо подстричься, а то я как лахудра... Да не снимай туфли, иди так, у нас полный бардак... Тимка все не управится с ремонтом.

Квартира Салаховых (девичья фамилия Анжелики была Вальковская) представляла собой страшное зрелище. Двери всех трех комнат были сняты и громоздились в коридоре. Стена на кухне была ободрана до самой штукатурки. Кроме того, на развороченном паркетном полу валялись куски старых обоев и засохшие ошметки цемента и шпатлевки. Лика провела гостью в маленькую, свежевыкрашенную комнатку и гордо прокомментировала весь этот развал:

– Делаем евроремонт!

– Как, сами?! – поразилась Катя, раздумывая, куда бы ей присесть, чтобы не пострадал светлый костюм. – Но это же адова работа!

– А! – Лика махнула рукой и тут же выхватила откуда-то два хрустальных фужера и бутылку венгерского вина.

Фужеры оказались не слишком чистыми, а вино теплым, но Катя, чтобы не обижать хозяйку, все же пригубила из своего бокала.

Лика выпила вино залпом и продолжала делиться ново-

стями:

– У Тимки же золотые руки. Он все сделает сам. Вот только что-то затянулось это... Негде спать, ты не поверишь. Он обещал, что сделает весь ремонт до моего отпуска, а это тянется два месяца... Ну, он всегда такой – наобещает с три короба, а потом мучается. Вон стену на кухне расколупал, сказал – она прогнила. А-она сухая. Теперь обратно будет заколупывать. Балкон пробил...

Катя не поняла, и Анжелика потащила ее смотреть балкон. Действительно, большая застекленная лоджия оказалась почти совсем без пола – в бетонной плите зияла огромная дыра.

– Он хочет погреб сделать, очень выгодно! – пояснила Лика. – Наш сосед, ну тот самый, кто тебе нужен, уже сделал. Теперь он там хранит всякие заготовки, варенье, огурцы. Очень выгодно, верно, но для этого же голова нужна! Я Тимке говорила – сначала сделай весь ремонт, а потом пол пробивай. А он – нет, я погреб сделаю за два дня. Ну и вот... На балкон не выйдешь.

– Страшно иметь балкон на первом этаже... – вздохнула Катя. – Я бы спать не смогла. Вдруг залезут?

– А решетки-то? – Лика потрясла рукой мощную железную решетку. Точно такие же красовались на всех окнах квартиры. – Будь спокойна, у нас как в банке. Никто не пролезет. Ну ладно! Пойдем, расскажешь, как жизнь.

– Да как... – Катя помялась, снова расположившись в

кресле, с которого Лика отогнула полиэтиленовую пленку. Пленка вся была в известковых брызгах. – Как всегда в общем-то.

– А замуж не собралась? – ошарашила ее Лика.

– Ты что, подружка, я ведь замужем... – Катя потрясенно смотрела на нее.

Но Лика ничуть не смутилась.

– Знаем, знаем... – Она погрозила пальцем. Руки у нее были грубоватые, ногти очень короткие, никакой маникюр не выдерживал ее работы с мехом. Зато раскрашена она была на диво: густая обводка вокруг глаз, накладные ресницы неестественной прямизны и длины, густо-голубые тени, румяна фиолетового оттенка и ее любимая, багрово-лиловая помада. Рыжие волосы необычного отлива (свои, а не крашенные) были разбросаны по худеньким плечам, едва прикрытым несвежей розовой маечкой. Грудь торчала под тканью прямо вверх, как у девчонки. Острые соски резко выделялись, так и бросаясь в глаза. Черная юбка-стрейч подчеркивала полное отсутствие того, что в просторечии называют задом. И, как всегда, Лика была весела, как птица небесная. Катя даже позавидовала ей.

– И все же, – настойчиво повторила она. – Почему ты решила, что я должна выйти замуж?

– Ну, это не я решила, – загадочно ответила Лика. – Все говорят.

– Кто это – все?! Кто говорит?!

– А, да ладно. Никто не говорит! – Лика рассмеялась. – Не принимай меня всерьез. Я просто подумала: раз у тебя с Игорьком совсем хреновая жизнь, почему бы тебе не развестись и не выйти замуж?

Для Лики этот вопрос в свое время решился просто: она развелась со своим первым мужем, тоже коммерсантом, как только его счастье стало ему изменять, забрала двухгодовалого сына и ушла к Тимуру, своему старому приятелю. Через полгода они поженились, и в качестве мадам Салаховой Лика была совершенно счастлива.

– За кого это мне выходить?... – проворчала Катя, но по глазам Лики поняла, что та прекрасно знает за кого. «Ну, девки, всегда все знают, – подумала она. – Никаких тайн быть не может! Это, конечно, все Ирка разболтала! Она знала! Знала еще и Лена, но Лена вряд ли, они вроде не общаются с Ликой. Чему я удивляюсь? Ни в школе, ни потом мы ничего друг от друга не скрывали. Разве что в последнее время стали меньше общаться... И чего я стесняюсь?» И она выложила все начистоту: – Ну ладно, ты права. Надо уже думать о другом браке. Ну, не о браке, так просто о другом мужике. Так дальше жить нельзя.

– У него что, совсем не стоит?! – округлив глаза, прошептала Лика.

– Это тебе тоже Ирка сказала? – в упор спросила Катя. Лика несколько смутилась:

– Да нет, не она... Да ну тебя, что ты меня на каждом сло-

ве ловишь! Знаю, все уже знаю! И про тебя, и про Димку! Нет, ты смотри, добился все-таки своего! Как он за тобой в школе бегал! С ума сойти! Такая любовь! А Ирка до сих пор локти грызет, она ведь все хотела его захомутать, не вышло. Да хрен у нее что выйдет, не умеет она с мужиками. Мужики – это ведь кто? – подняла брови Лика и тут же ответила себе: – Скоты! С ними и надо по-скотски!

– Скажешь тоже! – покачала головой Катя. – Так уж все скоты!

– Ну скажи мне, кто не свинья?! – вспыхнула Лика. – У меня – сплошные свиньи! Первый мой – гадина, каких мало, до сих пор никаких алиментов не вижу, а Борька все растет! Одних ботиночек ему в год три пары надо менять!

– Сколько ему? – машинально задумалась Катя. – Года четыре?

– Поднимай выше, уже шестой! – Лика захлебывалась от волнения. – А Тимка? Тоже скотина порядочная, уже завел себе бабу на стороне!

– Да что ты!

– А ты как думала! – На глазах у Лики вдруг появились слезы. – Мне, думаешь, легко?! Я боюсь, что она ему родит ребенка, и тогда он от меня уйдет... Он все переживает, что Борька не его сын.

– Так роди ему сама, – предложила Катя. – Опереди ту, другую!

– Я не могу больше рожать. – Тут Лика заплакала по-на-

стоящему. – Была у врача, сделали обследование. Заросли у меня эти... фаллопиевы трубы... Ничего нельзя сделать, резать только... И то, наверное, не поможет. А если со мной что под ножом случится? Борьку я на кого кину?! Тимуру он совсем не нужен...

Катя обняла подругу за плечи и задумалась о своем. Ребенок когда-то был ее мечтой, но сперва ей было страшно рожать в смутное время и при низкой зарплате – своей и мужа, потом это сделалось физически невозможно – из-за Игоря... Рожать же от Димы она вовсе не собиралась. «Да, мой собственный ребенок еще где-то в голубой дали... – вздохнула она про себя. – А надо торопиться. Тридцать, потом тридцать шесть, возраст почти критический, потом все, все...»

Ли́ка тем временем просохла и заговорила поспокойнее:

– Ну и скажи, что мне делать?! Я эту тварь, с которой он гуляет, видела, ей всего восемнадцать, она же девчонка совсем! Ему нравятся помоложе.

– Ли́ка, да ведь и ты совсем как девчонка выглядишь! – возразила Катя. – И лицо, и фигура. Может, только макияж тебя старит немного...

– Глупости, макияж никого не старит! – изрекла Ли́ка свое личное мнение.

– Нет, я просто говорю, может, тебе стоит пользоваться помадой пастельных тонов? – предложила Катя. – Например, розовой?

– Дело не в помаде... Надоела я ему... – Ли́ка вздохнула и

посмотрела на часы. – Наверное, Серега уже пришел на обед. Ты зайди к нему, если дело есть. А я пока соображу чашечку кофе.

Катя прихватила сумку с документами и вышла из квартиры. Петраков оказался дома – и через минуту она уже объясняла ему, по какой причине он не может отправиться в желанную поездку на Фиджи. Петраков понял и очень расстроился.

– А что мне делать? – спрашивал он в который раз, тупо глядя в свой паспорт. – Почему такая волынка?

– Теперь другая форма паспортов, – объясняла Катя. – Ничего страшного, вам придется переоформить паспорт в вашем УВИРе. Но в этот раз вам не удастся поехать. Очень жаль, конечно. – Катя протянула ему деньги. – Это за вашу путевку. Десять процентов мы удержали за организационные расходы.

– Что?! – возмутился тот. – Мне отказали в путевке да еще удержали какие-то проценты?! Почему это?! Я ведь никуда не поехал! Пусть вернут всю сумму!

– Но это обычная практика. – Катя стояла на своем твердо, хотя знала, что по большому счету она не права: ведь в том, что поездка сорвалась, была виновата турфирма, а конкретно – она, Катя. Если бы она вовремя обратила внимание на паспорт, все бы обошлось.

И тем не менее она вела себя согласно неписаному кодексу своих собратьев по бизнесу: не обманешь – не проживешь. И

ее уверенное поведение дало свои плоды – Петраков сдался.

– Ладно, – проворчал он, пересчитывая доллары и засовывая их в карман яркого спортивного костюма. – Значит, не судьба. А хотелось именно на Фиджи.

– Я понимаю, – грустно ответила Катя. – Когда выправите паспорт, обращайтесь к нам, мы вас отправим куда захотите, хоть на необитаемый остров.

– Ну разве только с такой красивой девушкой, как вы, – неожиданно галантно отозвался Петраков, и они расстались друзьями.

Катя вернулась в квартиру подруги и застала там следующую картину: Тимур, застывший посреди той комнаты, где они беседовали, и Лика с совершенно опухшим от слез лицом. «Я некстати, – поняла Катя и сделала вид, что не заметила ничего необычного в этой сцене. – Надо сматываться, а то я стану участницей скандала. Лика любит разбираться при свидетелях».

Но на этот раз ничего подобного не случилось. Лика попрощалась с Катей, махнула ей рукой и отвернулась. Тимур мрачно поздоровался и тут же пошел провожать Катю до дверей. Оказавшись на улице, та с облегчением вдохнула свежий весенний воздух – в квартире Салаховых сильно пахло краской. «Да, что-то не ладится у всех нас с личной жизнью... – думала она, направляясь к станции. – Кажется, вдали идет электричка. Успею! Не ладится... – Она прибавила шагу, и мысли ее запрыгали, точь-в-точь как она сама по раз-

битой дороге. – У Ирки сын неизвестно от кого, у Лики известно от кого, да вот мужа, кажется, и второго потеряет... У меня вообще – ни сына, ни мужа... Разве это муж? С точностью можно сказать только то, что у меня есть любовник! А вот у Лены все не так грустно. И муж хороший, и дочка – прелесть. Три годика. Надо ей позвонить, я всех перезабыла. А вот с Леной будет о чем поговорить! Как-никак почти коллеги, тоже журфак МГУ, тоже женская газета... Она все еще работает в редакции. Как она выкручивается с деньгами? Но у нее неплохо получает муж. Надо позвонить ей!»

С этими мыслями она села в подъехавшую электричку, и скоро перед ней возникло здание Ярославского вокзала, шумная площадь и бледное майское небо над Москвой.

Хорошая погода продержалась до вечера. Часам к восьми небо стало затягивать тучами. Гроза шла с востока, и где-то далеко уже погромыхивало. Поднимался ветер, теплый, но сильный, порывистый. Над Мытищами небо уже потемнело, но над Москвой было еще светло.

Анжелика вышла на крыльцо своей мастерской и захлопнула за собой тяжелую, обитую жестью дверь. Во дворике было пусто. Корпус, где располагался маленький заводик, производящий заколки, уже утих, рабочие из него ушли. Меховщицы тоже разошлись по домам, Анжелика осталась последней. Сегодня все женщины долго ее утешали, давали жизненные советы, делились личным опытом. Все они были в курсе ее семейных дел. Одна даже протянула сигарету

некурящей Лике – «полегче станет». Эту сигарету Лика сейчас держала в руке, не зная, что с ней делать. Лицо у нее опухло еще больше – она плакала несколько часов не переставая. Ей точно было известно, что Тимур опять встречался «с этой» и теперь он опять у нее... Если бы это был отец ее ребенка, она могла бы пригрозить ему тем, что он больше никогда не увидит сына. Но в ее положении грозить ей было нечем – ей было известно, как мало ему нужен чужой мальчишка. Лика даже старалась, чтобы ребенок пореже попадался ему на глаза. Борька уже с месяц жил у ее матери, тут же, в Мытищах, неподалеку от ее дома, и она каждый день туда забегала, чтобы расцеловать его и поплакаться маме. Но сейчас у нее не было сил туда идти. Она постояла еще немного на крыльце, посмотрела на небо, в отчаянии сказала: «А, все равно!» – и двинулась почему-то не к воротам, а в глубь двора, к дверям того цеха, где делали заколки.

Там она пробыла полчаса. Когда вышла оттуда и побрела к воротам, начал накрапывать дождь. Лика посмотрела на небо и запахнулась в свой ядовито-зеленый плащ. Она побрела по длинной улице, окруженной красными кирпичными корпусами, в сторону железной дороги – к своему дому. Чтобы попасть туда, ей надо было пересечь железнодорожные пути, но прежде миновать этот заводской, нежилой район. Улица была совершенно пустынна. Лика медленно шла и на ходу нерешительно затягивалась сигаретой. Курила она во второй или в третий раз в жизни. Легче не становилось,

и сигарету она бросила.

Дождь пошел сильнее, и гроыхнуло совсем где-то рядом. Лика прибавила шагу. Впереди, вдоль глухой желтой стены какого-то предприятия, шелестели едва зазеленевшие тополя. Когда Лика поравнялась с ними и прошла чуть дальше, от крайнего дерева отделился мужчина и пошел следом за ней. Лика его не замечала, она целиком ушла в свои мысли. Главной мыслью было, как разобраться с Тимуром. Она настолько была ею занята, что услышала шаги за спиной только тогда, когда мужчина пошел быстро, не скрываясь, с каждым шагом догоняя ее. Тогда она обернулась и увидела его лицо.

А еще через несколько минут картина совершенно изменилась. Дождь пошел сплошной стеной, тополя заметались на ветру как бешеные, а на асфальте, неподалеку от них, распростерлась одинокая женская фигурка в зеленом плаще. Лицо женщины было совершенно закрыто намокшими, сбившимися рыжими волосами, виден был только один безумный, широко раскрытый голубой глаз, на который то и дело попадали тяжелые капли. Вода размывала подставку, уже до этого размытую слезами, и тонкая черная струйка бежала по виску женщины и падала на землю. Бессильно раскинутые руки как будто пытались кого-то обнять. Черная юбка-стрейч была закатана до талии, колготки сорваны, и трусиков на бедрах не было. Одна нога повыше колена была сильно расцарапана, другая – далеко отведена в сторону. Дождь размочил землю под тополями, и на белые бедра жен-

щины то и дело летели брызги, оставляя на коже грязь, песчинки, прошлогоднюю траву.

Глава 3

Катя протянула руку, нажала кнопку, и экран компьютера погас. Затем она выключила процессор и выдернула все шнуры из розеток. Все это она проделывала не торопясь, всегда очень педантично, зная, что с техникой у нее постоянные нелады: немного забудется – и напорет что-нибудь не то. «В конце концов, я журналист, – подумала она, глядя на темный экран и слушая, как в процессоре что-то потрескивает. Возможно, отходила какая-то панель, кто здесь в этом разбирается? – Я журналист, а занимаюсь черт-те чем! Втолковываю разным капризным дамочкам, чего именно они хотят, – это я должна знать лучше их самих. Улыбаюсь мужикам, самым наглым, чтобы они согласились взять путевку. Раньше-то было все наоборот, раньше улыбались, чтобы дали путевку, взятки давали, помню, как же!»

И Катя действительно вспомнила свою единственную поездку на море вместе с родителями. Ей было девять лет, шел семьдесят седьмой год. Год великой пустоты на прилавках, как говаривала ее мама. Путевку достали, выбили, выгрызли зубами в профкоме той газеты, где работали ее родители: мать – редактором, отец – штатным журналистом. Катешили белое ситцевое платье в голубой горох – здесь кончались и фантазия отечественных производителей текстиля, и материальные возможности ее родителей. Она запомнила

себя на пляже в этом платье. Галечный пляж, холодная вода в море, сильное жжение в обгоревшей спине (слишком белая кожа, говорили все, никогда не загорит). Помнила, что сучала, потому что сверстники приехали раньше и уже сбились в одну тесную компанию, а Катя стеснялась к ним подойти, познакомиться. «Ты ведь будущая журналистка! – упрекал ее отец. Он всегда говорил с ней так, что нельзя было понять, всерьез он ее укоряет или просто шутит. – Тебе придется работать с людьми! К каждому надо искать подход, к каждому уметь подойти с нужным словом, чтобы тебя приняли, выслушали. Ну, начни сейчас же. Подойди к ним!» Но Катя не подошла. На одном из мальчишек, явно возглавлявшем ту компанию, была красивая, явно из-за бугра привезенная маечка с английской надписью. На девчонке, которая всегда отиралась возле него, – легкий пляжный комбинезончик, тоже явно «оттуда». Девчонка была некрасивая, с красноватой кожей и белыми ресницами, и спина у нее обгорела еще хуже, чем у Кати. Некрасивая и все же самоуверенная, громкоголосая, наглая. Катя иногда ловила на себе ее презрительный взгляд. Ловила и говорила себе: «Это из-за моей одежды. Это из-за того, что ни отец, ни мать никогда не стоят в очередях, когда что-то „выбрасывают“ в ГУМе, берут, что есть, что попадетсЯ». Мать ненавидит толкаться, стоять часами, драться за последнюю пару туфель, за последние три метра импортной ткани. Отец просто не ходит по магазинам – ему вечно некогда. «Надо быть гордой! – говорит ей мать. –

Не тянись за другими, помни, что все равно не угонишься. Всегда найдется кто-то, кто будет одет лучше, чем ты. Будь сама собой, будь гордой».

«Тогда хорошо было рассуждать, – думала теперь Катя. – Можно было и не тянуться, можно было быть гордой, все равно никто не дал бы тебе умереть с голоду. А теперь? Нет, теперь – либо пан, либо пропал. И я чуть не пропала. Зато теперь, когда я работаю здесь, я могу не смотреть на чужие майки и комбинезоны, могу не грызться за поездку к морю, могу вообще за нее не платить. И не плачу. То есть плачу, плачу и плачу, но уже другой валютой... Той, которая в ходу у Димы. Гордость? Да, меня многие до сих пор считают гордой, но если бы кто-нибудь знал, какое опустошение наступает после того, как все кончено и мы лежим рядом в его постели! Тогда гордости нет, нет ни в одном уголке моего тела, моей души. Откуда ей тогда взяться? Все происходит как будто по доброй воле, но для меня это каждый раз немного... изнасилование. Но я терплю его добровольно, ведь он меня не связывает, ничем не угрожает... То есть угрожает, сам факт, что он мой начальник, для меня угроза. Если что-нибудь будет не так, я могу представить себе последствия... Дима есть Дима – нет, ни хороший ни плохой – обыкновенный. Его дело было предложить, мое – отказаться. А я согласилась, хотя всегда знала, чем кончится, если я приму от него какую-то услугу. Может быть, и есть женщины, которые могут принимать чужие услуги и ничем за них не платить?»

Такие могут заставить мужчину почувствовать, что он еще у них в долгу, что делает для них что-то. Но я к таким женщинам не отношусь. Они гордые? Они лучше меня? Да нет, они точно такие же, только все оттягивают срок оплаты по счетам и убеждают себя, что никому ничего не должны. Такие в конце концов расплачиваются вдвойне. Нет, гордой можно быть только в том случае, если ни от кого ничего не берешь, а главное – ничего не просишь. Правильно говорил Воланд Маргарите: „Никогда и ничего не просите, гордая женщина. Сами все предложат, и сами все дадут“. Но чудеса кончились. Не предложат и не дадут. Мой личный Воланд – Дима – всегда держал наготове счет».

В помещении турфирмы было пусто. Катя осталась одна. Зина ушла давно, за час до окончания рабочего дня, сославшись на неотложные дела. Кате никак не удавалось увидеть ее «нужного человека», он всегда ждал ее в машине на улице, ни разу не зашел, не посмотрел, как работает его пассия.

«Так-то лучше, – сказала себе Катя. – Лучше, чтобы никто ничего не знал, никто никого не видел. А про меня и Диму знают все, все буквально. Муж, Ирка, Лика, Зина, разумеется, все служащие. Все считают, что Дима меня пригрел здесь в качестве своей любовницы, а то, как я работаю, – вопрос уже третий. Это никого не интересует, ведь предполагается, что мне в моем положении работать вовсе не обязательно. Что сказал бы на это отец, если бы был жив? А что он знал бы обо всем этом? Мама не знает ничего, кроме того,

что я работаю у своего школьного товарища. Или старается не знать ничего. А отец... Что ж, отец мог бы быть доволен – сбылась его мечта, застенчивая Катя исчезла, теперь она всю „работает с людьми“, „ищет к каждому подход“. Катя упрекнула себя за эту последнюю мысль. Эта мысль была злой и несправедливой по отношению к отцу. „Меняюсь на глазах! – вздохнула она. – Если я буду справедлива по отношению к порядочным людям, я окажусь слишком несправедлива к самой себе. Надо выбирать, надо все оценивать по-другому, надо найти себе кучу оправданий, да она уже и есть, эта куча... Где, черт возьми, бродит Димка?“

Было уже половина десятого, и снова шел дождь. Дима около четырех часов пополудни звонил Кате (она давно вернулась) и обещал заехать за ней часиков в девять. В турбюро в течение дня он не приезжал, пропал на целый день, и ни Зина, ни Катя не отчитывались ему в своем присутствии на работе. Катя особенно была этому рада – его ревность день ото дня становилась все более навязчивой, хотя при этом он любил ее убеждать, что совершенно не ревнует.

Она задумалась о том, во сколько попадет домой. «Опять к полуночи. И так почти каждый день. Дима никак не научится быть точным, другой давно бы прогорел с такими замашками, все должны его ждать! А он умудряется не прогорать, вот что удивительно... Впрочем, умом Россию не понять, опоздания у нас в порядке вещей. Если тебе назначают важную встречу на пять часов, приходи к половине шестого

– все остальные придут без пятнадцати шесть. Простой расчет, но к концу рабочего дня он становится невыносимым, сколько можно ждать?! Я постоянно не высыпаюсь. И опять дождь пошел, как назло! Погода никак не установится, начало мая, сплошная свистопляска – то жарко, то холодно. Зонтик есть, но все равно промокну сто раз, пока до дому доберусь...»

У входной двери раздался резкий, нетерпеливый звонок, и она пошла открывать. Дима влетел как ураган, и вслед за ним влетел порыв ветра с дождем. Катя захлопнула дверь и молча прошла к себе в комнату за сумкой.

– А что такой траур? – громко поинтересовался Дима, отряхивая капли с пиджака, вернее, пытаясь их отряхнуть. На бежевой ткани остались темные полосы и пятна. – Чем недовольна?

– Ты на часы посмотри! – Катя вышла к нему, помахивая сумочкой.

– Ну и что? – Дима посмотрел на часы, продемонстрировав золотой «Ролекс» на худом запястье, и снова принялся отряхиваться. – И опоздал-то всего на полчаса. Есть из-за чего выступать!

– На сорок пять минут ты опоздал, – подчеркнула Катя. – Послушай, если так пойдет, я буду просить мужа, чтобы он за мной заезжал. Он это, по крайней мере, сделает вовремя.

– На своем-то драндулете? – покривился Дима. – Час едешь, два под машиной лежишь. Ну, не дуйся! Поехали в

одно место, посидим, согреемся... Замерз как собака. Весь вымок!

– Да уж, весь... – Катя оглядела его костюм. – На плечах только, когда из машины бежал. Дождь-то полчаса назад начался, когда ты ехал.

– А, ну да, – кивнул он, повторно осмотрев себя с ног до головы. – Позорная погодка. Ну, поехали? Мне сегодня показали новое кафе.

«Значит, поедем не к нему домой! – обрадовалась Катя. – Слава Богу, хоть один вечер без его домогательств! Правда, меньшей свиньей я себя не буду чувствовать, зато отдохну...» И она почти радостно двинулась за ним к выходу. Пока Дима запирал двери и включал сигнализацию, она ждала его под навесом во дворе и смотрела, как с жестяной кромки козырька срываются тонкие косые струйки. Лило как из ведра. Наконец Дима раскрыл над ее головой свой зонт, и они вместе перебежали к машине. Катя устроилась рядом с ним, достала из сумочки пудреницу и провела по крыльям носа и подбородку пуховкой. Дима вел машину, то и дело поглядывая на нее. Она сунула пудреницу в сумочку и улыбнулась. Она была счастлива, что едет не к нему. Дима воспринял эту улыбку по-своему:

– Слушай, а может, плюнем на это кафе и мотанем ко мне? – предложил он. – Я, правда, неважно себя чувствую, устал как собака... Но это ничего, приму ванну, рюмочку коньяку – и здоров! А?

– Нет, поедем в кафе, – отказалась она, мгновенно погасив улыбку. – Мне тоже хотелось бы принять ванну. Дома.

Он замолчал и принялся что-то фальшиво насвистывать. Особенным слухом он никогда не отличался, но сегодня фальшивил просто из ряда вон. Катя слушала, слушала и не выдержала:

– Это невозможно! Неужели ты не можешь запомнить мелодию? Включи Стинга и послушай хорошенько. А вообще, его свистеть трудно.

– Да и не стоит, – вздохнул он. – Совсем испортился мужик.

В апреле Стинг приезжал в Москву, Дима, его фанатичный поклонник, взял билеты, и оба они были очень разочарованы. Новые песни им не понравились, а старые хиты надоели.

– Ну, приехали! – Он остановил машину в одном из переулков рядом с площадью Маяковского, и они вышли. Зонтик он оставил в машине – дождь перестал.

Кафе понравилось Кате, впрочем, ей нравились почти все кафе. «Особенно в Вене, – подумала она. – Прошлой весной я была в Вене». Она особенно подчеркнула про себя это «я была» – это значило, что Димы с ней там не было. «Бог с ней, с этой нейтральной Австрией! – махнул он рукой. – Ты экзотики не любишь, я знаю. Тебе Европу подавай, старую прогнившую Европу. Отсталая женщина!» Но отсталая женщина получила тогда ни с чем не сравнимое удовольствие – тем

более что пляжи в субтропиках были для нее удовольствием сомнительным – вечно мучилась с покрасневшими плечами. В Австрии эта опасность ей не угрожала. Там ей не угрожало ничто – ни настойчивость Димы, иной раз превращавшая отдых в кошмар, ни мысли о доме (она постоянно помнила об Игоре, когда рядом был любовник). Катя переходила из одного кафе в другое, часами сидела в кондитерских, пробуя разные сорта кофе, любовалась дворцами, театрами, сказочными, какими-то голубоватыми мостовыми, так что ей иной раз казалось, что она идет не по земле, а по небу. На несколько дней она забыла обо всем, успокоилась, стала медлительнее в движениях, и вовсе не потому, что стерла в конце концов ногу (туфли она любила на высоких каблуках, а мостовая для них не предназначена). «Но это был единственный мой одинокий отдых за весь прошлый год, – подумала она. – Впрочем, я и его не заслужила. Ничего я не заслужила, чего же я хочу от жизни?»

Дима прервал ее размышления, придвинув к ней чашку кофе и рюмку коньяку:

– Очнись! Посмотри на здешние пирожки!

Пирожки были горячие, золотистые, из слоеного теста, с начинками из грибов, мяса, кураги, лимонной корки... Катя принялась за них, внезапно ощутив зверский голод. За весь день она ничего не успела перехватить – когда вернулась из Мытищ в бюро, ее уже ожидали посетители. Приканчивая третий пирожок, она снова удивилась, что Дима выбрал та-

кое тихое, уютное, но в общем-то не слишком шикарное кафе. Обычно он устраивался в местах пошумнее и побогаче. А здесь атмосфера была совсем семейная, горели оранжевые, как апельсины, лампы, стояло несколько столиков и тихо играла музыка.

– Кто показал тебе это место? – осведомилась она, выливая коньяк себе в кофе. «Здесь не Вена, можно не церемониться, – подумала она. – Вот там такой жест показался бы варварством, кофе там – настоящее произведение искусства».

Дима удивился ее вопросу:

– Как – кто? Знакомые!

Знакомые у него каждый день появлялись новые, так что вопрос Кати на самом деле был неуместен. Она отпила из своей чашки и вздохнула:

– Хорошие у тебя появились знакомые, побольше бы таких. А то все таскаешь меня в какие-то кабаки с дурной репутацией, и только потому, что это престижно. А я к концу дня лыка не вяжу. Хочется тишины.

– Ну, если хочешь, можем всегда сюда ездить... – Он пожал плечами. – А насчет лыка... Пора бы и отдохнуть. Давно мы вместе нигде не были.

«Опять „мы вместе“! – расстроилась она. – Скоро у меня отпадет всякое желание отдыхать». А вслух сказала:

– Сейчас не время куда-то ехать, надо быть в Москве, самый сезон начался.

– Ну, не учи меня жить! – фыркнул он. – Как-нибудь сможемся в страну покруче. Что скажешь насчет Индонезии? Необитаемые острова?

– Ты все еще носишься с этой робинзонадой? Ты хоть понимаешь, сколько это будет нам стоить? Где ты возьмешь необитаемый остров, кто тебе даст там развернуться?

– Я все уже узнал, – молниеносно ответил он. – Надо договориться с тамошними чиновниками, и они сдадут нам парочку островков в аренду. Там же сплошная дичь, ни хрена нет никакой цивилизации! А мы там построим бунгало, причал, наладим маршрут, вложим деньги в экономику страны, получается!

– Маршрут, причал! – передразнила она его. – Тогда это получается уже не совсем необитаемый остров! Ты, кажется, говорил о совершенно диком месте? Ну и высаживай своих клиентов на голый берег!

– А, тебя пугают расходы на постройку, – понял он. – Но это чепуха, местными силами все обойдется куда дешевле. Они будут просто счастливы. Там дешевая рабочая сила.

– Итак, мы заболели Индонезией... – смирилась она с его напором. – Я уже знаю, если ты за что-то возьмешься, тебя за уши не оттащишь!

– Именно! – торжественно заявил он. – И к тебе это тоже относится! Я тебе всегда это говорил, и ты еще убедишься, что я был прав!

– Я не остров, мне причал не нужен, дешевая рабочая си-

ла тоже, – ответила она, отводя глаза. – И с какими чиновниками в моем случае ты собираешься договориться?

– А вот и нет, ты в корне не права! – возразил он. – Ты и есть самый настоящий необитаемый остров. Всегда им была. А чиновники... – Он постучал себя пальцем по лбу. – Они у тебя тут, в голове. И надо сказать, соображают неплохо!

– Ты намекаешь, что я все делаю по расчету? – напрямую спросила она. – Иными словами – меня можно купить? Построить себе бунгало, приобщить к цивилизации? Стоит только дать взятку, да?

– Ты кричишь, – испугался он. – На тебя уже смотрят.

– Плевать. – Она прикусила губу и залпом допила свой кофе. – Вези меня домой. Или нет, я доберусь сама. Счастливо!

Она попыталась встать, но он прижал ее руку к столу. Его глаза стали серьезными. Катя же была вне себя от возмущения. Теперь на них действительно смотрели.

– Перестань! – попросил он. – Я сказал глупость, прости меня. Ну, чего ты хочешь? Мотался весь день, устал, ты смотришь как неродная... Ну сядь, посиди немного... Сейчас я отвезу тебя домой.

Она опустила голову на место, проклиная свое малодушие. «Если я хоть раз встану и уйду, мне будет легче с ним бороться, – сказала она себе. – Но я не встаю и не ухожу. Молчу и слушаю его извинения. Так каждый раз. Он прав, меня купить можно. Только не пирожками».

– Ладно, я тоже вспылила, – призналась она. – Скажи луч-

ше, как съездил к непальцам?

– А, нормально!

– А зачем они понадобились тебе? – допытывалась она. – Непал – это же горное королевство, насколько мне известно. Это не остров, ни с какого боку! Решил изменить профиль фирмы?

– Да нет, я там был по личным вопросам, – протянул он. – К нашим турам это пока не имеет никакого отношения.

– Темнишь! – Она покачала головой. – Ладно, не хочешь говорить – не надо. Я бы лучше поговорила о Кубе.

– Забудь! – Он махнул рукой. Жадно затянулся сигаретой и раздавил ее в пепельнице. – Это не твоя забота. Я подберу группы.

– Сам?

– Сам!

– «Это не твоя забота», – передразнила она его. – Это мое дело, ты мне за это деньги платишь. Я думаю, что никакого успеха такая программа иметь не будет. Что народ хочет увидеть на Кубе? Мулаток на пляжах Наутик, курорт Варадеро, танцы, шманцы, обжиманцы! А что ты предлагаешь взамен этого? Какую-то дичь, заброшенный мыс, какая-то, прости Господи, пиратская бухта...

– Народ хочет пиратскую бухту – и я иду ему навстречу! – Дима искренне оживился. Кубинский проект был его главным детищем этого сезона, никто не сочувствовал ему, все пророчили неудачу, но тем сильнее он загорался своей иде-

ей. – Главное – не быть банальными! Если все предлагают одно и то же, надо предложить что-то качественно иное.

– И прогореть, – заключила Катя. – Ладно, с тобой каши не сварить. Сам будешь ее расхлебывать. Да, знаешь, кого я сегодня видела?

Она решила не скрывать своего визита в Мытищи. «Не муж он мне, никто! – подумала она с каким-то мстительным чувством. – Не обязана я беречь его чувства, пусть поревнует, если хочет, права-то на это у него все равно нет и не будет».

– Кого? – встревожился он.

– Лику. – Она полюбовалась произведенным эффектом – Дима вытаращил глаза, и теперь казалось, что они вот-вот выпрыгнут из орбит.

– Кого-кого? – переспросил он. – Какую еще Лику?

– Ну, Вальковскую. Забыл, что ли? Хотя ты мог и забыть, вы, кажется, не виделись после школы... Лика, рыжая такая, ну? Из нашей французской группы...

– О Господи... – протянул он наконец. Глаза приняли более-менее нормальный размер. – Вот ты о ком! Я-то думал, кто-то из банка...

– При чем тут банк? – удивилась Катя и тут же вспомнила, что в банке, где Дима хранил деньги фирмы, тоже была некая Лика, дама лет сорока пяти. – Нет, в самом деле, ты совсем зашился со своей работой. Скоро забудешь, с кем в школе учился.

– Я уже и забыл... – проворчал он. – Честно говоря, все это теперь так далеко... А ты молодец, еще поддерживаешь отношения! И что же Лика? Как живет? И как, кстати, ты попала к ней посреди рабочего дня?

– А, вопрос хороший. Один наш клиент оказался ее соседом, телефона у него не было, и он оставил нам ее номер, чтобы мы с ним связались. Ну и пришлось мне туда поехать, разобраться с ним. Вернула деньги за путевку. Заодно и с Ликой пообщалась. А живет она паршиво.

– Н-да? – рассеянно спросил Дима.

Катя подумала, что он решает вопрос: взяла она с клиента проценты или не взяла? Если взяла, то ни в каких бумагах это не зафиксировано, значит, положит себе в карман. «Надо достать деньги и отдать ему, – подумала Катя. – Зинка тоже сегодня намекала, что надо делиться со всеми такими доходами. Шарашкина контора. Катя-воровка». Но она даже не прикоснулась к своей сумочке, и правильно сделала: Дима, когда поднял на нее взгляд, заговорил совсем не о несправедливо взятых деньгах.

– И все же, когда ты к ней ездила? Я тебе звонил. Мне показалось, что ты все время была на работе.

– Ну, я ездила не очень долго, туда-сюда, – несколько покривила душой Катя. – Хотя Мытищи – свет не ближний. А разве ты мне звонил? Зинка сказала – нет.

– Зина – дура, – коротко ответил он. – Я тебе звонил и разговаривал с ней. Она сказала, что ты работаешь с клиен-

том и подойти не можешь. Потом я позвонил через полчаса, и она сказала, что ты, прости, в туалете. Больше я не звонил тебе, потому что понял, что ты совсем закопалась в работу.

– М-м... – задумалась Катя. – Значит, она врет. Честно говоря, я просила не сообщать тебе, что поехала в Мытищи. Вот она и несла всякую дурь тебе по телефону. А мне почему ничего не сказала? – И она тут же ответила на свой вопрос: – Потому что ей лень было, чертовой корове, и она знала, что мне твои проверки не понравятся. Сплошная дипломатия, тайны мадридского двора.

– Но почему ты не хотела, чтобы я знал, что ты поехала в Мытищи? – раздраженно спросил он. – Тоже мне, тайна! Какие-то глупые у тебя тайны, Катя. Или ты думала, что я буду тебя ругать, что ты отлучилась с рабочего места?

– Лучше бы ты ругал, чем ревновал, – вздохнула она. – А я знала, что ты будешь ревновать. И сейчас уже ревнуешь.

– К кому? – Он закурил сигарету, сунул в карман зажигалку и встал. – Пойдем, уже поздновато... Разболелась голова, чувствую себя жутко.

– Приедешь домой, прими цитрамон, – сказала Катя, думая про несчастную зареванную Лику. – Помогает, как ни странно. Копеечная таблетка, а пользы – на миллион.

– Не в цитрамоне дело...

Они вышли на улицу, и она удивилась, заметив, как его передернуло. «Замерз, что ли? – подумала она, садясь рядом с ним в машину. – Но почему бы ему замерзнуть, ведь он со-

всем не промок под дождем. А ветер не такой уж холодный. Я-то не мерзну, а я мерзлячка. И вид у него совсем больной».

Внезапно Дима оглушительно чихнул. Потряс головой и тут же пошел на обгон идущего впереди автомобиля. Катя терпеливо выдержала эту изнурительную операцию, и когда Дима победил и вырвался вперед, на свободное пространство, заметила:

– Когда ты умудрился простудиться? Тебе надо срочно залезть в ванну. Иначе полетит вся твоя Куба и робинзонада ко всем чертям.

– Ничего страшного. – Он мрачно смотрел прямо перед собой. – Мне наплевать, мне просто обидно, что от тебя человеческого слова не услышишь. Другая бы пожалела, что ли. А ты как доктор – прими таблетку, ложись в ванну, иначе не сможешь работать.

– Тем и отличаются необитаемые острова, – пробормотала Катя, глядя в окно. – Не слишком-то там весело.

Они молчали, и когда он довез ее до дому, попрощались отрывисто и прохладно.

Муж был дома, но навстречу Кате не вышел. Она мельком взглянула на часы. «Да, поздно, – отметила. – Но это в порядке вещей. Его-то я упрекаю, а сама...» Она сбросила туфли и заглянула к нему в комнату. Он лежал на диване и смотрел телевизор. Свет был потушен, и его лицо в отблесках экрана казалось зеленоватым, почти мертвым. Он едва повернул голову в ее сторону:

– Привет. Тебе звонила какая-то женщина.

– Кто? – спросила Катя. – Не Ирка, нет?

– Ее голос я знаю. Другая. Она просила тебя позвонить ей. Оставила телефон.

Катя прочла номер на бумажке, которую подал ей Игорь.

– Так ведь это Ира, – пожалала она плечами. – Ее номер.

– Ну, может быть, и она, – вяло отозвался он. – Может, не узнал. Голова болит. Кажется, я простудился.

– Да что вы все как сговорились, – вздохнула Катя. – Прими что-нибудь. Бисептол выпей. Две таблетки. Промок, что ли?

Только тут она заметила на стуле его одежду. Под стулом была небольшая лужица – судя по ней, Игорь вымок до нитки.

– Повесил бы в ванной. – Она пощупала скомканные брюки. – Все испортится.

– Прости, я сейчас...

Он сделал движение, чтобы подняться, но она остановила его. Ей стало почему-то жаль мужа.

– Лежи уж. Сама повешу. Давно она звонила?

– Час назад.

Катя развесила мокрую одежду в ванной на батарее и отправилась в кухню звонить. Тут же отозвалась какая-то женщина. Это явно была не Ира, и Катя очень удивилась. Ира жила одна, с сыном.

– Здравствуйте, Иру можно позвать? – осторожно спро-

сила она.

Женщина на секунду утихла и вдруг сказала каким-то неестественным голосом:

– Вы – Катя? Подруга Иры?

– Да, – насторожилась она. – Простите, с кем я говорю?

– Это ее мать, – сказала женщина. – Я знаю, вы были ее подругой. Ира умерла.

Трубка едва не выпала из рук. Ей показалось, что она плохо поняла свою собеседницу.

– Как вы сказали? Ира...

– Умерла, – повторила та, и Катя ясно расслышала, как у женщины дрожит голос. – Вчера вечером.

– Но... Господи, как же так?! Ведь вчера я стриглась у нее! – В следующий миг Катя поняла всю нелепость своих слов. «Как будто это что-то значит, стриглась я у нее или нет...» Она без сил опустилась на стул и теснее прижала трубку к уху. – Как это случилось?! Ира ведь ничем не болела...

– Нет, не болела. Ее убили ночью в подъезде.

– Не может быть, – прошептала Катя. – Как это случилось?

Она куда-то вышла ночью?

– В кармане нашли пачку сигарет, она выкурила всего одну, – монотонно твердила женщина. – Она, наверное, вышла за сигаретами, а на обратном пути ее... – Тут она зарыдала.

Этого Катя вынести уже не могла:

– Вы там одни? Я могу сейчас приехать! Где Ира?

– Как – где, на вскрытии, – прорыдала женщина. – Я тут с мальчиком. Ее нашли соседи, ночью. На первом этаже. Сво- лочи!

«Она не соседей имеет в виду, конечно... – потерянно подумала Катя. Все услышанное пока никак не укладывалось у нее в голове. – Надо ехать, мать в истерике. Мальчик остался! Три года, остался один... Ирка! Какой кошмар!» И она твердо сказала:

– Я сейчас приеду. Мы с Ирой правда были подругами, я и постараюсь вам помочь, чем смогу. Через час я могу быть у вас. Мне приезжать?

– Если можно... – Женщина с трудом подавляла рыдания. – Если можно! Я сойду с ума! Что мне с мальчиком делать?!

– Я еду! – быстро сказала Катя, положила трубку и бросилась в комнату к мужу: – Вставай! Нужна машина, Ирка убита!

Она включила свет и только тут увидела, что лицо у мужа на самом деле зеленоватого, обморочного оттенка. Она даже испугалась, увидев его при хорошем освещении. Однако долго пугаться не приходилось, она вся тряслась:

– Игорь, прошу тебя, выпей таблетки и поедem! Там ее мать, совершенно не в себе, и сын! Представь, ее убили в собственном подъезде!

Муж смотрел на нее, не говоря ни слова. Потом он закрыл глаза и беззвучно пошевелил губами.

– Что?! – не расслышала она. – Слушай, вставай, прошу тебя!

– Я не могу ехать. – Теперь он говорил погромче. – Я правда болен.

– Ты с ума сошел? – Она потрясенно смотрела на него. – Ты понял, что я тебе сказала? Иру убили, понимаешь! Убили! Ну, ты же не пьяный, в конце концов, довезешь меня! Я понимаю, что тебе плохо, но надо ехать!

– Я не поеду.

– Я тебе поражаюсь... – Она смотрела на него и машинально качала головой. – Ты ведь ее знал, сколько раз видел! Ведь мы с ней дружили, как-никак! Тебе совершенно наплевать?

– Нет. Но я не могу ехать. Мне очень плохо. Очень. – Он говорил все громче, голос его звучал все более раздраженно. – Это твоя подруга, в конце концов. Вы вместе учились в школе? Так позови Диму. Ведь он твой личный шофер. И тоже учился с вами вместе.

Она не знала, что ответить. От волнения пропали все слова. Говорить она могла только спустя минуту. Зато и заговорила с такой ненавистью, которой еще не испытывала никогда в жизни, тем более к Игорю:

– Ладно, дорогой! Наконец-то ты заговорил по-настоящему! Отбросим все ненужные формальности, будем откровенны. Спасибо, что показал мне, на что способен. Я тебе тоже давно все показала. И знай, что эту проблему я решу в самое

ближайшее время! – Она задыхалась от волнения. – Я теперь все понимаю!

– Да что ты понимаешь! – отозвался Игорь. – Ни хрена ты не знаешь и не понимаешь!

– Заткнись! – прорычала она и выскочила из комнаты. В прихожей быстро пошарила в сумочке. Нашла двести долларов и немного денег рублями. Сбегала к себе, достала еще триста долларов из шкатулки и, не прощаясь, выбежала из квартиры.

Машину удалось поймать сразу – повезло. Водитель оказался спокойным мужиком лет пятидесяти с лишним. Больше всего Катя боялась ездить в чужих машинах с незнакомыми людьми, но этот сразу вызвал доверие. Она сбивчиво объяснила ему, куда ей нужно, показала пятьдесят тысяч, и он, совершенно счастливый, повез ее на улицу 1905 года. Когда машина подъехала к знакомому дому, у нее сильно заколотилось сердце. А когда она расплатилась, вышла и направилась к подъезду, ей и вовсе стало жутко.

«Вот здесь, – сказала она себе, открыв дверь и сразу натолкнувшись взглядом на глухую стену площадки. – Здесь ее убили. Звери. Звери. Скоты, правильно сказала Лика. Все они скоты».

Мать Ирины – полная заплаканная женщина лет пятидесяти – впустила Катю по виду равнодушно, и той на миг показалось, что она приехала напрасно. Но женщина тут же начала рыдать и немедленно рассказала Кате все-все.

– Милиция в доме весь день... Я вчера ночью приехала, муж в больнице с почками. Задушили!

Последнее слово она почти выкрикнула, и Катя закрыла рот руками, боясь крикнуть тоже. Ей было дурно.

С такой смертью ей еще не приходилось сталкиваться. Умер отец, но он умер в больнице, после второго инфаркта, и она при нем в тот миг не была – сдавала государственный экзамен в МГУ. Все узнала, только когда приехала домой. Это была другая смерть, совсем не похожая на ту, которая постигла Иру, – в темном подъезде, ночью, без свидетелей.

– Задушили, – повторяла женщина. – Платком или шарфом. Что мне теперь с парнем делать?! Три года всего! Мне его надо к себе забрать, а куда я Иру привезу?! Сюда?! Не разорвусь же я... Вся родня в Воронеже, обещали приехать...

– Я помогу... – Катя вспомнила про деньги, но постеснялась пока их доставать. – Я помогу вам. Но скажите – почему?!

– А никто не знает... – Женщина отчаянно махнула рукой. – Сказали, не изнасилование. Не кража – все деньги в квартире лежали... А ключи у нее были в плаще, их не взяли, сюда не поднялись! А могли бы, и что тогда бы с Мишкой было?!

– Да... – прошептала Катя. – Он спит?

– Что ему... Спит. Не знает.

– Как же?!

– Так он в садике был днем, пришлось вот забрать, ночной группы там нет. Я бы пока его в ночную группу отдала, да никак. Убили ни за что!

– И ничего не взяли? – Катя мучительно пыталась представить себе это убийство. Кому, кому понадобилось убивать Ирину, если ее не собирались грабить? Она носила золото, хорошо одевалась, деньги у нее всегда водились, но раз ничего не взяли... – А кольца?

– Тут, все тут! Ну зачем, зачем?!

– Непонятно.

– Какой-то маньяк, просто взял и задушил! – Женщина заговорила потише. – Но ведь не изнасиловал! И ничего не взял...

– С ума сойти... – пробормотала Катя. – Но такое тоже бывает. Бывает, что и просто так убивают, ничего не берут.

Женщина вдруг вытерла слезы и поманила Катю, чтобы та пригнулась.

– Если я скажу, что он взял, вообще с ума можно сойти! Он взял ее трусы!

– Что?!

– Трусы! – отчеканила женщина. – Снял с нее трусы и больше ничего! А на шее у нее была золотая цепочка, такая тонкая... Она вся отпечаталась... Когда он ее душил. И разорвана. Ну, мог не заметить, но это все равно чепуха. Зачем нападад-то?! Из-за трусов?! Да ведь колготки ей спустил, не поленился, до колен спустил! И взял трусы! Я ее как увиде-

ла там – сразу подумала: все, изнасиловали мою Ирочку... – Она тяжело задышала. – Но говорят, что нет.

– Маньяк, – твердо сказала Катя. – Это точно. Сколько таких случаев! Им иногда и не надо насиловать, они просто так убивают. И что-нибудь на память берут, это тоже известно.

Женщина закурила и предложила сигарету Кате. Та отказалась и продолжала раздумывать. Сказывалась журналистская привычка – сопоставлять факты, обращать внимание на мельчайшие детали. «Детали, – говаривал ей отец, – детали, вот что бывает самым интересным. Происшествия всегда одни и те же, а вот детали всегда иные. И читатель ищет именно их. Он хочет знать, во что был одет человек, какой пуговицы у него не хватало, чем болела его бабушка и сколько раз он ездил на курорт. Важно все». «Важно все, – повторила про себя Катя и подумала, что же показалось ей невероятным в словах женщины. А что-то показалось, тут у нее память была цепкая. – Это очень странно... – повторяла она про себя. – Это очень странно...» И вдруг она поняла.

– Да как же он снял трусы, если не снял колготки?! – воскликнула она, уже немного позабыв, что перед ней находится мать убитой и выражаться следует осторожнее. – Ведь никак не получится!

– Что? – переспросила женщина. – Почему? Колготки он снял!

– Вы сказали – спустил, – поправила ее Катя. – Я вас верно поняла? Колготки были сняты не полностью, вы говорили

– до колен? Но пока колготки оставались хоть на какой-то части ее ноги, трусики он снять не мог! Никоим образом!

Женщина призадумалась и в конце концов растерянно кивнула:

– Ну, верно. Только их нет.

– Не надела? – предположила Катя. – Такое возможно?

– Ирка-то? Да нет, она всегда за собой следила. Белья этого у нее было... – Женщина покачала головой. – Нет, этого не было. Была в трусиках, а осталась без. Точно могу сказать, в каких она была, я так и следователю сказала.

– Да как вы можете это знать? – удивилась Катя. – Ведь не угадаешь.

– С ней – угадаешь! – заверила ее женщина. – Трусики были белые, кружевные, с красным бантиком спереди.

– Откуда вы знаете? – недоумевала Катя. – Да еще так точно?

– Да она всегда носила гарнитуры, – пояснила та. – Так и покупала – в одной упаковке лифчик и трусы. Лифчик был белый, кружевной, с красным бантиком спереди, и трусики – такие же. По-другому у нас не бывает. Я следователю сразу сказала – раз так, ищите белые, кружевные, с бантиком.

– Ну да, единственная улика, – вздохнула Катя. – Значит, он их срезал, а не снял. Ножницами или ножом... Специально охотился. Да уж, убили ни за что, за тряпку! Мальчику-то скажете?

– Да вот не знаю, пока помолчу, а потом, конечно, скажу.

Боюсь я. Парень ее любил как не знаю кого. Меня вот нет. – Женщина вздохнула. – Ну, ясно почему, меня и сама она не слишком-то обожала. Поссорились мы еще тогда, когда она залетела непонятно от кого. Я ее спрашивала: «Ну хоть знаешь, кто отец? Ты от кого рожать собралась?! Какие твои годы?! Тебе не тридцать пять, когда уже все равно, девка молодая... Охота обузу брать!» Она: «Нет, буду рожать, не твое дело, сама воспитаю». – Она поспешно закурила и продолжила: – Я больше не вмешивалась. К ней с добром, а она с дерьмом.

«Ай да мамаша! – подумала Катя. – Так ли ей нужна моя помощь? Может, дать деньги и пойти пока? На похороны приду... Нет, сейчас уходить неловко. Парня жалко. С такой бабушкой ему придется невесело». А бабушка рассказывала, энергично помахивая сигаретой:

– Не нашлось на нее нормального мужика, вот досталась маньяку! Все, как я и говорила: не гуляй с кем попало! Теперь будут искать среди ее знакомых. Записную книжку забрали с телефонами. Твой на обоях был записан. Над телефоном, карандашом. Только твой и был. Меня спрашивали, кто ты, я рассказала, что школьная подруга. Тебя тоже допрашивать будут.

– Да уж, конечно. Только я про ее знакомых ничего не знаю. Особенно про мужчин. Она не откровенничала на эти темы.

«Да уж, это не Лика, – подумала она. – Лика бы все сра-

зу выложила. Ира была скрытная, замкнутая. О пустяках поболтать – пожалуйста, о Марлен Дитрих там или о косметике, о парфюме... О шмотках тоже и о белье, точно, теперь вспомнила, она обожала рассказывать, какое белье купила, за сколько и где. Это было ее хобби в каком-то смысле. И вот как оно закончилось. Нарочно не придумаешь! Кто-то тоже, оказывается, любил женское нижнее белье настолько, что убил из-за трусиков Иру».

– Мама! – раздался вдруг из комнаты испуганный детский голос. – Ма-ам!

Катя вздрогнула и посмотрела на женщину. Та торопливо вышла из кухни, и спустя мгновение в комнате послышались увещевания:

– Ты что не спишь? Куда вылез? Давай я тебя уложу. Ну, давай...

– Где мама? – захныкал сонный ребенок. – Там?

Катя задержала дыхание. «Он принял мой голос за голос матери, – поняла она. – Я сойду с ума. Вот так все кончается. Тот, кто ее убил, не подумал об этом вот голосе. Да наплевать было на ребенка тому, кто это сделал! Нет, это не скотина! Это хуже! Это нелюдь!»

– Мама в Воронеж поехала, к Наде, – сухо отвечала женщина. – А тебе велела вести себя хорошо. А ты капризничаешь, не слушаешься бабушку.

Ребенок замолчал, видимо, поверил. Еще что-то тихо спросил, а потом замолк окончательно, – наверное, уснул.

Женщина вернулась в кухню.

– Спит, сирота. – Она снова вытирала слезы. – Привалило мне счастье на старости лет. Вместо внука сын оказался, теперь все будет на мне.

– Если бы удалось отца найти, он мог бы помогать, – неуверенно предположила Катя.

– Если бы удалось его найти, я бы ему, скотине! – в сердцах сказала та. – Не знаю, что это за птица такая, но перья ей я повидергала бы! Сдается мне, он даже не интересовался, есть у него сын или нет.

– Тогда труднее... – кивнула Катя. – Сейчас мужики не особенно щедры на алименты. Поди добейся!

– Вот-вот... – вздохнула женщина. – Ну что ж, спасибо, что пришла. Есть, значит, у Иры друзья. На похороны я тебя позову, ты уж мне помоги! Руки отвалятся, да еще это следствие...

– Конечно, я помогу! – в который раз пообещала Катя. – Можно я позвоню от вас? Мне все же надо ехать, завтра на работу... Мой телефон у вас есть, и возьмите еще этот... – Она быстро написала номер на листочке, вырванном из блокнота. – Я могу быть и там.

– Работа? – спросила та.

Катя только покачала головой. Она набрала тот самый номер, который написала матери Ирины, и дождалась, когда ей ответит знакомый голос.

– Дима? – спросила она. – Не спишь еще? Послушай, тут

такое дело... С Ирой случилось несчастье. С какой Ирой? Ну, с Ардашевой, Господи! Я тебя прошу, приезжай и забери меня отсюда. Да. Да. К тебе. Все расскажу по дороге. Не хочу по телефону. Да, изменилось. Да. Жду.

Через сорок минут Дима посигналил под окнами. Они уговорились, что подниматься наверх он не станет, иначе разговоры с матерью Ирины могли затянуться очень надолго. Катя попрощалась, отдала деньги (они были приняты как неожиданный дар судьбы, хотя после Иры должна была остаться сумма немаленькая). Но Катя решила не торговаться с чужим несчастьем, несмотря на то что женщина эта становилась ей все больше и больше несимпатична.

– Вот такие дела... – закончила она через час рассказ о случившемся.

Она сидела в глубоком удобном кресле, держала в руке пустую рюмку, резко пахнущую коньяком, и смотрела куда-то невидящими глазами. Дима лежал на широкой кровати, часто сопя и вздыхая, время от времени вытирая нос платком. Вид у него был совершенно больной, и путешествие к дому Ирины ему здоровья не прибавило. «И все же он не отказался, – думала Катя. – Приехал почти сразу же, значит, гнал как сумасшедший. А почему? Потому что понял, понял, что я сдаюсь. Да и как мне не сдать? Как не сдать, когда Игорь отколол такую штуку?! Дима точно так же болен, как и он, но приехал, стоило мне только позвонить. Ну так пусть будет так! Лет ит би, как поют „Битлз“. Он сам ускорил развязку.

Жалеть больше не о чем. Он не знает, где я, думает, наверное, что у Иры. Свинья! Какая свинья! Он ведь знал, что она моя хорошая подруга, и все же... Нет, от таких мужей уходят не к подругам, а гораздо дальше... Что я и сделала».

– Ложись со мной, – слабым голосом попросил Дима. – Мне так холодно. Не бойся, я не заразный. Это просто простуда.

– Просто простуда... – Катя вздохнула. – Слушай, выпей чего-нибудь, а то смотреть страшно.

– Не хочу, – послышалось из-под одеяла. – Лучше ляг со мной.

«На войне как на войне, – подумала Катя. – Пусть будет так!» Она быстро разделась, не давая ему времени рассматривать себя, и нырнула под одеяло. Как только она оказалась рядом, он крепко ее сжал в объятиях и принялся целовать. Вид и напор при этом у него были совсем не больные.

– Так ты комедию ломал? – поняла наконец Катя. – Что-то мне кажется, ты себя чувствуешь лучше, чем я!

– Прекрасно себя чувствую, – шептал он, впиваясь губами в ее шею. – Замечательно! Потрогай сама!

Он схватил ее руку и заставил ее убедиться в том, что он совершенно здоров. Катя рассмеялась и удивилась тому, что совсем на него не сердится.

– Вот так, да? – Она повернулась к нему лицом и обняла за шею. – Ты знаешь кто?

– Кто? – спросил он счастливым голосом. – Да просто бол-

ван!

Он долго целовал ее, поворачивая то так, то этак, как большую красивую куклу, был совсем не порывист, как обычно, а очень осторожен и трепетен. И эта перемена в нем заставляла и ее вести себя по-другому: тихо, кротко, почти счастливо. Она узнавала и не узнавала эти черные глаза, возникавшие то у правого плеча, то у левой груди, то где-то далеко-далеко. Она не узнавала его рук, ставших внезапно такими мягкими и ласковыми. Она не узнавала саму себя. И своего чувства в последний миг она тоже не узнала. Кате даже показалось, что она ощущает все это в первый раз, что такого с ней никогда не было. И она долго лежала рядом с ним, тихая, задумчивая, удивленная донельзя.

«Что же случилось? – думала она, прикрывая глаза. – Что случилось, что... А, я засыпаю... Он меня поцеловал. Да, и вот еще раз. Пусть будет так!»

И она уснула.

А муж ее в это время не спал. Телевизор уже был выключен, в комнате было темно, да его там и не было.

Он был в спальне, где Катя так и не прибралась. Простыня, сорванная с постели, валялась на полу, со светильника был снят абажур, и резкий свет электрической лампочки заливал комнату. Игорь стоял на коленях возле распахнутого шкафа и прижимал к лицу какую-то розовую тряпку. Потом он скомкал ее и отбросил прочь. Тряпка полетела в угол, развернулась и оказалась ночной рубашкой Кати.

– Зачем, зачем... – твердил он, глядя на нее безумными глазами. – Боже мой, зачем, зачем, зачем...

...За истекший день следствию удалось установить некоторые факты. Ирина Ардашева с десяти утра пятого мая до часу дня работала в своей парикмахерской на Баррикадной улице. С часу до двух, во время перерыва, обедала с маникюршей из этого же салона в соседнем, довольно дорогом кафе. Ела люля-кебаб и пила боржоми. С двух до шести вечера не отлучалась с рабочего места, разве что на две-три минуты. Встречалась только со своими клиентами, многие – постоянные. Велась работа по установлению личностей этих клиентов. Дело облегчало то, что многие были записаны к ней на определенное время. Список нашли у нее в квартире. Там же были списки на другие дни. Они тоже были приобщены к делу. Ардашева стригла как женщин, так и мужчин, но в день своей гибели ни одного мужчину не обслуживала, как показали другие женщины, работавшие вместе с ней. В шесть часов сорок минут она забрала из детского сада своего сына и отправилась с ним домой. В семь тридцать или в семь тридцать пять она позвонила своей матери, чтобы узнать, как себя чувствует отец, лежащий в больнице. Чем она занималась далее, неизвестно, но в девять часов двадцать минут вечера ее видели у киосков возле станции метро «Улица 1905 года». Ее запомнил патрульный милиционер, который в это время стоял рядом с машиной, и знакомый киоскер (она всегда покупала сигареты в одном и том же

киоске, где они были на сто рублей дешевле, чем в остальных). С киоскером она не говорила, расстроенной ему не показалась. Милиционер заметил, что к ней пытался обратиться какой-то кавказец, но она ему не ответила. Кавказец за ней не пошел. Его личность устанавливается. Когда Ардашева уходила от киосков, она курила сигарету, которую достала из купленной пачки. В пачке, найденной в ее кармане, недоставало именно одной сигареты. Окурок ее со следами помады того же цвета, что была на губах Ардашевой в момент гибели, был найден в луже во дворе ее дома. Она курила «Лаки страйк», а помада была кораллово-красной. К подъезду она шла по асфальту, так что не оставила никаких следов, впрочем, как и убийца. Лампочки в подъезде были вывернуты на площадках первого и второго этажей, отпечатков на пустых патронах много, проводится идентификация с отпечатками жителей этого подъезда. Тот факт, что в начале вечера обе лампочки были на месте и горели исправно, как утверждают многие жильцы, указывает на то, что убийство было спланировано заранее, преступник успел подготовить территорию. Судя по состоянию одежды и ногтей жертвы, сопротивление она оказала минимальное, – видимо, была взята врасплох, в темноте. Задушена петлей мягкого типа, предположительно – шелковым платком или шарфом. На шее у Ардашевой была золотая цепочка, которая в момент удушения порвалась. Цепочка была найдена в складках одежды. Убийца ее или не заметил в темноте, или просто не снял. Денег при Ардаше-

вой не было, но были ключи от квартиры, которыми убийца не воспользовался. Светлые колготки жертвы были спущены им до колен, – видимо, сперва он хотел их снять, потом от этой попытки отказался. Трусики исчезли – судя по общему состоянию одежды и нескольким царапинам на левом бедре женщины, были срезаны тупыми ножницами по боковым швам. Ардашеву нашли соседи, которые вошли в подъезд в десять часов пятнадцать минут того же вечера. Они просто споткнулись о ее труп, не заметив его в темноте. Позвонили в милицию, позвонили матери убитой. Наверх, в квартиру Ардашевой, поднялись в десять часов тридцать пять минут. Ребенок все еще спал.

Глава 4

Наутро Катя проснулась рано – как никогда не просыпалась, если спала дома. Но зато в гостиницах, в поездах или в гостях, где приходилось ночевать, она всегда вставала ни свет ни заря – часов в шесть, а то и раньше. Новая обстановка часто тревожила ее, не давая безмятежно досматривать утренние сны, и в то же время она любила эти пробуждения на новом месте. Тогда она чувствовала себя моложе, свежее, лучше. Так было и теперь.

Дима сладко сопел рядом, уткнув взлохмаченную голову в подушку. Она осторожно, чтобы не разбудить его, отодвинулась к краю постели и встала, коснувшись босыми ногами пушистого ковра. Накинула его халат, сходила в ванную, привела себя в порядок. Снова заглянула к Диме. Он не проснулся, и она подумала, сможет ли он сегодня встать на работу. «Чувствовал себя плохо, да еще такой выпад с моей стороны, – подумала она, отступая на кухню. – Теперь это меня ко многому обязывает. Слов нет, случилось мне и раньше пару раз у него ночевать, но тогда это не носило характера ультиматума. Кажется, на этот раз с Игорем кончено. Возвращаться – значит продолжать это издевательство над ним. Пусть он успокоится, а может быть, успокоюсь и я. Потом мы разведемся...» Она вздохнула и налила себе из чайника кипяченой воды. Пить кофе ей не хотелось, все равно

пришлось бы еще раз пить его с Димой, когда он проснется. Катя устроилась за угловым столиком, положила голову на скрещенные руки и задумалась, прикрыв глаза.

«В сущности, уходить надо сейчас же. К Диме? Да, к нему. К кому же еще? Тогда кончится эта двусмысленность, распадется наш проклятый треугольник, в котором я ощущаю себя самой длинной стороной, связывающей двух мужчин. Тогда кончатся и раздумья, верно ли то, что я делаю, как я живу. Игорь будет чувствовать себя лучше без меня. Ну конечно же куда лучше! Такая жизнь его оскорбляла, вот он вчера и сорвался. Сорвался – и правильно сделал! Все сказал, что надо было мне сказать. Теперь он сможет подумать, как ему быть дальше без меня. Он вылечится, дай Бог, и кого-нибудь найдет. Я для него все равно была бы слишком нехорошим воспоминанием – воспоминанием о годах своего позора, а эти последние годы были сплошным позором. Для всех».

Солнце уже поднималось, но его не видно было в окне – три окна Диминой двухкомнатной квартиры выходили в узкий переулок, один из старых переулков возле Сретенки. Эта улица очень нравилась Кате, и еще больше ей нравилось Бульварное кольцо, к которому она примыкала. Однако она никогда всерьез не думала, что ей придется здесь жить.

«А теперь мне можно жить только здесь, – вздохнула она. – Возвращаться некуда. Квартира принадлежит Игорю. Претендовать на одну комнату? Нет, спасибо. Свое заберу, а его мне не надо, только вот куда мне девать мебель? К ма-

ме? Но она ни за что не расстанется со своей старой обстановкой, привязалась к ней, да и привычки у нее нет выбрасывать вещи, которые еще могут послужить. Перевезти сюда, к Диме? Ну, это просто глупо. Ладно, пусть стоит там, до развода все равно далеко...» Катя прекрасно отдавала себе отчет, что она боится крепко связывать свою судьбу с Димой. Она предчувствовала, что эта связь окажется куда более значительной, чем связь с Игорем, который в последнее время не только не удерживал ее, а напротив – часто советовал уйти. «С Димой такие разговорчики придется забыть, – сказала она себе. – Думаю, что это будет веселая жизнь. Он очень ревнив, он – собственник. Может быть деспотом и не думать, хочу я делать то, что он задумал, или нет... Да, это не Игорь. Игорь... – Она покачала головой, думая о нем. – С ним я могла быть свободна. С Димой – никогда. И выбирать больше не из чего».

Ей вспомнились слова отца: «Есть в тебе то, что меня пугает. Я вижу, что иногда ты ищешь рядом с собой человека, которого можно унижить, растоптать. Я не знаю, откуда в тебе это. Если можешь, запомни мой совет: ищи такого человека не рядом с собой, а в самой себе. Тогда каждый удар, нанесенный тобой, будет причинять боль тебе самой. Тогда ты поймешь, что такое боль, что такое унижение. Тогда ты никогда не решишься унижать другого человека, который будет слишком мягок, чтобы возразить тебе, дать отпор. Тогда я буду спокоен за тебя – у тебя не будет врагов. Никогда...»

«Но папа не знал, что такое зависть! – подумала она. – Вот ему и казалось, что если не делать никому зла, то и врагов не будет. А есть еще и такое извечное человеческое чувство: „Хочу, чтоб у соседа корова сдохла!“ Об этом он и понятия не имел, а когда сталкивался с чем-то подобным – не понимал, мучился, удивлялся... Потому и сердце у него так рано перегорело... Да, это был человек. Но как трудно быть таким человеком! Легче жить так, как я, хотя и тут... – Она вздохнула и подумала о Диме. – Он-то будет просто счастлив, когда поймет, что я ушла от мужа насовсем. Закричит: „Давай перебирайся! Навсегда! Немедленно!“ Вот проснется и закричит. А что мне ему сказать? Постой, дорогой, не торопи меня, дай подумать, еще не решила, я тебя побаиваюсь? Ничего этого он больше слушать не станет, я сама сделала первый шаг к нему. Надо сделать и второй и идти дальше, дальше, уходить от своей прежней жизни...»

Да, Катя чувствовала себя если не как в гостинице или в гостях, то как в поезде, стремительно уносящем ее вдаль. И поэтому снова заснуть она не могла. Ей захотелось побродить по квартире, посмотреть, как живет Дима.

«По-холостяцки живет, – отметила она сразу. – Нет женской руки, это видно». Обстановка в обеих комнатах была довольно помпезная: Дима любил громоздкие кресла, диваны и столы под барокко, благо размеры комнат и высота потолков позволяли такой размах. Дом был старый, недавно капитально отремонтированный и относился к концу XIX ве-

ка. Катя отметила, однако, что при всем этом шике в обстановке явно не хватало вкуса в сочетании цветов. «Портьеры я бы поменяла, безусловно, – машинально подумала она. – И этот красный ковер тут ни к селу ни к городу. Хотя в другом месте он смотрелся бы шикарно. Люстра слишком громоздкая, зачем вешать над головой целый хрустальный магазин? Но Дима есть Дима... Да, это вкус Димы, квартира Димы, и если ты собралась тут жить, тебе придется переделывать все на свой лад, а хочешь ли ты этого? – спросила она у себя. И ответила сразу: – Нет, не хочу. Пусть тут лежит этот ковер и висит эта люстра. Ни слова не скажу. Ни слова. Я тут не хозяйка и никогда ею не буду... Почему я не чувствую, что могу остаться тут надолго? Ведь я уже почти решила. Но я здесь все равно как в поезде. Как тут ни хорошо, а придется выходить и дальше идти одной. „Необитаемый остров“, – вспомнились ей слова Димы. – Он совершенно прав. Так всегда и было».

Сейчас она стояла в той комнате, что явно выполняла роль кабинета и библиотеки Димы. Ее удивляло расположение письменного стола – не перед окном, как обычно бывает, а посреди комнаты. Катя обошла его кругом, подивилась искусной резьбе по грушевому дереву и присела на стул, выполненный в том же стиле. Она хотела почувствовать, каково сидеть за письменным столом, который поставлен таким необычным образом. «Ничего себе! – подумала она. – Только неприятно то, что все отвлекает: постоянно смотришь по

сторонам. Впрочем, Дима и так отвлекается, зачем ему вообще письменный стол? Ему, кажется, нет разницы, где работать – на столе или на подоконнике... Пират, одно слово!»

На столе почти не было бумаг, зато было множество географических карт. Некоторые были чистыми, некоторые – исчерканными вдоль и поперек. Катя взгляделась и поняла, что Дима намечал новые маршруты.

«А, вижу, вижу... – Она водила пальцем по большой карте, густо исчерченной толстым красным карандашом. – Вот Канарские острова, вот Тенерифе, вот Маврикий, вот Малайзия, а это Мальдивы... Сейшелы, а вот таиландский Пукет. Филиппины. Ямайка. Злополучные Фиджи. Надо позвонить Лене, не забыть. Спросить, как она поживает, и рассказать про Иру. Материал для ее журнала, но заинтересуется ли она? Вроде у нее был подобный материал в прошлом году. Индонезия. Карибские острова. Куба».

Ее палец остановился. Куба была чиста от пометок Димы, в то время как остальные маршруты прочерчены все до единого. Катя не поверила своим глазам.

«Отменил свою затею? Да не может быть! Скорее на Москву двинется цунами. Но почему не отметил Кубу? Потому что мы туда еще никого не посылаем? Но мы и на Мальдивы не посылаем, только собираемся, и Индонезию только начинаем разрабатывать, а все отмечено тютельница в тютельница... Вот и пойми его! Носился как курица с яйцом – Куба, Куба!»

– Привет! – раздалось у нее за спиной, и она вскрикнула, обернувшись. Дима улыбался и протирал сонные глаза. – Я что, напугал тебя? – осведомился он, заглядывая через Катину плечо. – А, карту смотрела... Гляди, весь мир у нас в кармане!

– Да, был такой детектив. Его герои плохо кончили. – Катя вздохнула, немного оправившись от испуга. – Ты меня чуть не прикончил. Я после вчерашнего сама не своя, а ты подошел так тихо...

– Ну да, ну да... – Дима чем-то очень заинтересовался и стал шарить по столу. – Карандаш не видела?

– Да вот! – Катя поймала покотившийся в ее сторону толстый красный карандаш, тот самый, которым Дима делал пометки, и протянула его. – Что, мало показалось? Еще парочку маршрутов?

– Один. – Дима старательно вывел красную черту, соединяющую Кубу и Россию. – Забыл нарисовать. Вот теперь – все. Ты что так рано встала?

– Так, не спалось, – коротко ответила Катя. – Но уже совсем не рано. Пора бы нам собираться и ехать на работу.

– Ну да, ну да... – кивал он. Глаза были совершенно сонные. – Слушай, я пойду побреюсь, а ты можешь поставить чайник и сделать чего-нибудь поесть.

– Хорошо.

Катя проводила его взглядом. Он побрел в ванную, пошатываясь и громко зевая. «У меня дома он сам предпочел по-

ставить чайник, а тут попросил меня. Резонно. Надо привыкать». И она пошла на кухню.

И только когда они пили кофе, закусывая бутербродами с ветчиной и зеленью, Дима задал тот вопрос, который все время висел в воздухе. Он прожевал кусок, запил его кофе и сказал:

– Ну, Катя, давай что-нибудь решать.

– Понимаю, – откликнулась она. Ей подумалось, что стоит поговорить с ним начистоту, она устала от дипломатии. – Ты насчет нас с тобой?

– Ну да. Я, по-моему, ждал уже достаточно. Ты что-то решила? Что-то определенное, конечно. То, что ты мне говорила раньше, я не засчитываю.

«Ишь ты, уже лицевой счет мне открыл!» – про себя отметила Катя, а вслух сказала:

– Дима, я в общем-то решила, но вот когда приводить все это в исполнение...

– Проблемы? – Он снова стал жевать, не сводя с нее глаз. – Ты скажи, мы все решим вместе.

– Нет, не надо! – Катя покачала головой. – Пойми, тут нужно осторожно, чтобы он...

– А, ну конечно! Мало ты с ним нянчилась! – Дима, как всегда, взорвался неожиданно, так что она даже отшатнулась. – Мало ты с ним сидела, когда могла быть здесь, мало ты себе отказывала в свободных вечерах!

– Мало! – тоже повысила голос она. – Мало, очень мало,

ничего я для него не сделала, ничуть я с ним не нянчилась! И перестань кричать! Мне лучше знать, чего он заслуживает! Во всяком случае, не свинского обращения! И я сама все решу, это мои проблемы!

– Ясненько... – отчеканил он, встал и быстро вышел из кухни.

– Твоя ревность под занавес просто смешна! – крикнула она ему вслед, а потом заплакала, неожиданно для себя. Дима, услышав это, сразу вернулся. Она почувствовала его руку на своем плече.

– Прости, я псих! – искренне сказал он. – Сам понимаю, что ревновать не стоит, а все же ревную. Мне кажется, ты к нему слишком хорошо относишься.

– Если бы ты нас видел наедине, ты бы так не думал. – Катя вытерла слезы салфеткой и уставилась перед собой. – Живем плохо, собачимся по мелочам... Вот, я тебе все честно сказала, я вовсе не ангел, и не думай, что жизнь со мной – это рай.

– Глупенькая, я тебя знаю дольше, чем твой Игорь, – ласково сказал он. – Я тебя знаю с пятого класса. И ты решила мне про себя рассказать? Наконец-то!

– Да что это я... – пробормотала она и притихла. А Дима, все еще поглаживая ее плечо, продолжал:

– Я все обдумал. Я принял такое решение – дай себе испытательный срок. Поживи у него еще с неделю...

– Что?! – Донельзя удивленная, она подняла голову и

встретила его теплый, немного грустный взгляд. – Послушай, это ты мне говоришь? Мне надо вернуться туда? Теперь? Я так поняла?

– Не так... – с нажимом произнес он и присел перед ней на корточки. Теперь его глаза оказались совсем рядом. – Я тебя хорошо знаю, хотя ты об этом часто забываешь. Я знаю, как трудно тебе принимать решения. Особенно такие. Но принимать их надо. Я думаю, надо сделать так: ты живешь там еще неделю, уясняешь себе все ваши отношения, вы говорите на все темы, какие еще остались, решаете все вопросы. И если в конце этой недели ты не захочешь уйти ко мне – значит, не захочешь никогда. А если поймешь, что там тебе точно делать нечего, – тогда мы всегда будем вместе. Но я настаиваю – слышишь? – на этом сроке.

Катя, не ожидавшая от него такой рассудительности, смотрела на него не отрываясь. На миг его речи чем-то напомнили ей речи отца – такие же размеренные, внушительные, и так же, как и тогда, все в этих словах казалось ей истиной. «Откуда это в нем взялось? – подумала она, глядя на Диму. – Или это всегда было, но я не замечала? Да, он знает меня с пятого класса, а вот я его совсем не знаю, так мне теперь начинает казаться...» И она кивнула:

– Ладно. Ты придумал правильный вариант. Я пока живу там. В конце концов, я не воровка, чтобы убегать ночью. А неделя многое прояснит, хотя и так, кажется, все ясно.

– Ну, это как знать! – улыбнулся Дима и резко поднялся

на ноги. – А теперь – собираемся. Можем опоздать.

Игорь позвонил ей на работу. Разумеется, его голос в трубке она узнала не сразу, потому представилась: «Тур-агентство „Острова“». Его звонок был против всяких правил – никогда он не звонил ей сюда. Никогда – вспомнила она, хотя знал этот телефон, когда еще не знал ничего другого. О Диме он узнал позже, после того как она проработала здесь полгода и как-то не смогла вырваться от Димы и переночевала у него. Но так или иначе, теперь она очень удивилась.

– Как, это ты? – тихо переспросила она. – Можешь подождать две минуты?

Перед ней сидел клиент – пожилой мужчина в легкой рубашке типа «сафари», загорелый до красноты, опытный путешественник по виду. Он хотел уехать на Багамы и посетить между делом Майами. Программа его не интересовала – интересовала только цена. Игорь согласился подождать, и она положила трубку на кипу бумаг.

– Тысяча девятьсот долларов, – сказала она мужчине. – Будет круиз на «Ройал Карибеан».

– Семь дней? – уточнил тот. Он разглядывал Катю, и она всей кожей чувствовала его явный мужской интерес. – А, простите за любопытство, где вы сами отдыхаете?

– Везде... – мило улыбнулась она и положила руку на проспект Карибских островов. – Но в основном предпочитаю страны с умеренным климатом.

– Отчего же?

– Не знаю. Люблю все в меру.

Такие расспросы со стороны одиноких клиентов мужского пола ей были не внове. Она всегда их поддерживала – обычно подобные разговоры начинались, когда клиент уже решался взять тур.

– Все в меру? – Он вдруг усмехнулся, глядя на нее. – По вас не скажешь.

– Что вы имеете в виду? – удивилась она. Украдкой осмотрела свой костюм, подумала, не выдает ли что-то ее лицо, – в это утро ее переполняли самые противоречивые чувства. Противоречивые и все же скорее приятные. – Ну-что ж... Вы будете брать тур?

– Обязательно, – кивнул он. Но не вставал, не уходил, продолжал рассматривать ее, денег тоже не доставал, и она уже начинала соображать, как бы ей побыстрее с ним разделаться. Трубка лежала рядом, и ей подумалось, что Игорь слышит весь этот разговор.

– Вы заплатите сейчас? – осведомилась она, сменив дружеский тон на более деловой. – Если сейчас, то мы отправим вас в конце недели. Если завтра – уже на следующей неделе.

– Сегодня после обеда, – сказал он. – Я завезу вам деньги. Я здесь рядом...

– Ну и хорошо.

Она не стала уточнять, где это он рядом, и улыбнулась ему, давая понять, что разговор окончен. Он ушел неохотно и у двери еще раз оглянулся и посмотрел на нее. «Произвела

впечатление, – подумала Катя. – На такой работе я сто раз могла подцепить себе крутого любовника. Смешно, что ни я, ни Зина в этом уже не нуждаемся». Она взяла трубку и спросила:

– Ты еще здесь?

– Да, – отозвался он, помолчав, сказал: – Катя, прости меня за вчерашнее. Я вел себя слишком резко. Этого не надо было.

«Ну вот, он на попятную, – расстроилась она. – Стоит подумать, что он способен на большее, чем просто терпеть мои выходки, как опять начинается по новой... Но если я соглашусь ему подыгрывать, эта история никогда не кончится. Хватит!» А вслух сказала:

– Нет, ты вел себя совершенно правильно. Все было как надо. Ты прав, что отказался.

– Нет... – сказал он очень тихо, она не расслышала и попросила повторить. – Нет, нет, неправильно!

«И опять получается, что его топчу, – подумала она. – Виновата я, а извиняется он. Но так всегда и было».

– Ты приедешь домой? – спросил он, не дождавшись от нее ответа.

«Так вот чего он боится, – поняла Катя. – Неужели я ему еще нужна?»

– Да, приеду, – спокойно ответила она. – Тогда и поговорим обо всем. Как у тебя? Получше?

– Ты о чем?

– О простуде. Лучше себя чувствуешь или нет? Может, вызовешь врача?

– Нет, не требуется... Катя, тебе много раз звонили.

– А... – протянула она. – Наверное, мать Иры. Я вчера долго говорила с ней.

«Знает, что я ночевала не там или нет? – соображала она. – Если звонила мать Иры, то знает. Та наверняка сказала что-то такое, отчего он все понял. Ну и пусть. Падающего толкни!»

– Может быть, и мать Иры, – согласился он. – Женщина, во всяком случае. И еще мужчина.

– Кто? – удивилась она.

– Назвался Тимуром.

– Тимур... – Она некоторое время перебирала своих знакомых, пытаясь вспомнить хоть одного Тимура, но почему-то не могла этого сделать. – Странно, но у меня нет ни одного знакомого Тимура. Не перепутал ничего?

– Нет, его зовут Тимур. Он просил позвать тебя, по-моему, он тебя знает.

Она вдруг вспомнила.

– Ну конечно, муж Лики! – воскликнула она. – Где была моя голова? Я же вчера была у них и видела его. Но почему звонит он? Я с ним и сказала-то всего пару слов за всю жизнь. Может, что-то просил передать? С Ликой что-нибудь?

Ей вспомнилось состояние подруги в тот миг, когда она ушла из их квартиры. «Истерический припадок, – пыталась

догадаться она. – А потом, вполне возможно – попытка самоубийства! На Лику это было бы очень похоже... И он звонит мне, потому что я вчера была там, думает, наверное, что я могу чем-то ее успокоить... Ну, мужики!»

– Он просил меня позвонить туда? – спросила она. – Ничего больше не сказал?

– Да, просил, чтобы ты ему позвонила, и поскорее. Я не понял, зачем ему это понадобилось. Но просил позвонить срочно, очень срочно.

«Ну вот, я была права. Лика что-то отколола, и он теперь кусает локти, – вздохнула Катя. – Жалко девку, и что это у нас такая невезуха с мужиками... А я еще ей про Иру расскажу, она вообще упадет духом... Или, наоборот, поднимется – часто чужое несчастье радует других. Даже незлых людей. Смотрите, мол, у некоторых еще хуже, чем у меня...» И это будет тоже похоже на Лику.

– Ладно, я ему позвоню, – сказала она. – Больше ничего?

– Телефон звонил еще раз, но я был в ванной, – виновато сказал он, и она как будто увидела перед собой его глаза – те глаза, которые она когда-то любила. – Не успел подойти, как он замолчал.

– Когда это было?

– Часов в десять утра.

Катя посмотрела на часы. Стрелка приближалась к часу пополудни, и ей подумалось, что скоро она опять увидит того мужчину в рубашке «сафари». «Он сказал, что придет после

обеда. Или не придет, бывают и такие, которым просто надо потрепаться, – подумала она. – Хотя как раз он на такого типа не похож... Что ж, увидим».

– Ладно, – сказала она мужу. – Я позвоню Тимуру, по моему, с Ликой что-то неладное делается... Хотя тебе все равно, конечно.

– Я виноват... – повторил он снова очень тихо. – Мне во все не все равно, просто чувствовал я себя ужасно. Иру жалко, поверь мне. Я ведь ее хорошо помню.

– Да, ее жалко, а еще жальче ребенка. – Катя сглотнула неизвестно откуда взявшийся комок в горле. – Хотя что, ты его не видел, мальчику всего три года, понимаешь? Матушка у Иры вроде особа стержовная, хотя и убита несчастьем. Но можно понять, что за человек. Понимаешь, ребенок ведь останется у нее на шее, а она и так считает, что он родился зря.

– Зря?

– Ни от кого, – пояснила Катя, хотя всю эту историю Игорь знал, как знали все знакомые Иры. – И она, мне кажется, собралась его вечно попрекать этим...

– Ужасно, – тихо сказал он, и она снова попросила его повторить, она не расслышала. Но он сказал, что это не важно, и повесил трубку.

Катя тут же набрала номер Лики. Отозвался мужчина.

– Тимур? – спросила она, поймав себя на том, что очень волнуется.

– Нет, кто его спрашивает? – тут же переспросили ее.

«Что за дела? – удивилась она. – Звоню Лике, но, чтобы поговорить с ней, мне нужно поговорить с ее мужем, а чтобы поговорить с ее мужем, мне нужно поговорить еще с кем-то и сказать, кто я такая...» Ответила она несколько раздраженно:

– Тимур звонил мне и просил позвонить ему. И я звоню. Он дома или мне позвонить позже?

– Вы – Екатерина Фомина?

– Как? – оторопела она.

Мужчина, говоривший с ней, назвал ее девичью фамилию, по мужу она была Булавина. «Чертовщина какая-то... – растерянно подумала она. – Что-то тут нечисто... И откуда он знает мою старую фамилию?» Но она тем не менее подтвердила, что да, она и есть Екатерина Фомина. Мужчина сказал:

– Передаю трубку.

И теперь с ней говорил Тимур. Голос звучал как-то странно: сдавленно и потерянно.

– Катя? Вы вчера были у нас...

– Ну да, была! – Она вконец рассердилась из-за этих недомолвок и непонятных расспросов. – И что из этого следует? Тимур, объясните мне! С кем я говорила?

– Со следователем.

– С кем?

– Здесь следователь, – повторил Тимур. – Лику вчера уби-

ли.

– Как?! Как?! – Кате казалось, что она кричит, но тут же она поняла, что не производит ни звука, – только открывает и закрывает рот. Крик не прорывался наружу, такого с ней еще не случалось. Ноги дрожали, и она подумала, что если бы стояла сейчас, то наверняка упала бы в обморок.

Тимур продолжал:

– Катя, вам надо приехать. С вами хотят поговорить. О ней.

– Да... Да... – Она наконец совладала со своим голосом и смогла несколько привести мысли в порядок. -

Я тоже хочу кое о чем поговорить со следователем. Вам известно, Тимур, что позавчера вечером убили Иру Ардашеву? Нашу подругу?

«Надо теперь говорить – мою подругу, – поправила она себя. – „Нас“ теперь не осталось. Есть только я, и это моих двух подруг убили одну за другой... Впрочем, есть еще Лена. Она знает обо всем этом?»

– Я приеду немедленно! – сказала она. – Сейчас же! Меня подождут?

– Да, это они просили меня позвонить вам. Я и сам хотел вчера вечером... Нашел телефон в ее старой записной книжке...

«И поэтому я оказалась Фоминой, – сообразила Катя. – На „Ф“, Лика когда-то записала меня на „Ф“. Все ясно».

– Я буду через час, если удастся, – сказала она и положи-

ла трубку. Димы в агентстве не было. Некому было выкрикнуть все, что она узнала. «Он бы отвез меня, он бы не отказал, – подумалось ей, когда она торопливо швыряла в сумку необходимые вещи – деньги, расческу, записную книжку. – Он бы довез меня, и мы бы во всем разобрались... Нет, ни в чем я не разберусь, кому, кому все это понадобилось? Еще и Лика! Лика...»

В квартиру Лики и ее мужа она попала только к двум часам. Одну электричку на Ярославском вокзале упустила, и пришлось ждать еще минут десять, пока придет другая. За это время она едва не сошла с ума – кружила по платформе, бралась за голову, проверяя, горячий лоб или нет. Ее сильно знобило, и ей казалось, что она заболела. Поезд до Мытищ шел, как ей показалось, целый час. Сквозь грязное стекло вагона она видела бегущие мимо трубы, бетонные платформы, зелень вдоль дороги и все время говорила себе: «Подожди, это еще не конец света, все разъяснится», а другой голос, принадлежавший неизвестно кому, отвечал: «Нет, уже никогда не разъяснится. Никогда не станет ясно, как можно убить двух женщин, двух матерей, оставить сиротами двух детей. Этого тебе никогда не понять». И уже когда она вышла из вагона, узнала этот голос. Это был голос ее отца.

Следователь оказался мужчиной лет тридцати пяти. Его лицо она не разглядывала, хотя всегда любила смотреть в лица людям, с которыми ей вот-вот придется общаться. Это была своеобразная лотерея – угадай, что это за человек, уга-

дай и – как правило – ошибись. Но тут ей было не до лотерей. Кроме следователя, в квартире находился милиционер в форме – совсем молодой – и Тимур. Он был в спортивных штанах, в грязной белой майке с арабской надписью. Небрит, глаза красные, опухшие – слезы или бессонная ночь? Разгром казался еще более ужасающим, – видимо, в квартире что-то искали.

– Это я, – сказала Катя, – говорила с вами по телефону.

Она обращалась только к следователю. Он кивнул ей, представился и попросил пройти вместе с ним в ту самую комнату, где она вчера говорила с Ликой. Это было единственное место в доме, где можно было на что-то сесть. Ни Тимур, ни милиционер за ними не пошли.

Катя машинально опустилась в то самое кресло, где сидела вчера. Дрожь прошла, но ей все еще было очень холодно, хотя день выдался совсем жаркий. Тем не менее у нее на шее и на груди, открытой вырезом пиджака, выступила испарина, и ей подумалось, что следователь это видит и думает, что она очень волнуется.

– Я веду это дело, – сказал он. – С вами надо было поговорить уже насчет Ардашевой, но события развиваются слишком быстро. Мы будем говорить сразу о двух женщинах. Вы готовы?

– Я готова, – сказала Катя и сглотнула слюну. – Скажите, как это случилось? С Ликой, про Иру я уже знаю. Ее мать вчера...

– Да, она нам об этом сообщила, – сказал следователь. – Вы туда приезжали. Она вам рассказала, как погибла Ардашева?

– Да. Ее задушили в подъезде, – ответила Катя. – Не ограбили и не изнасиловали. Верно?

– Да. Но с Салаховой случай несколько иной.

– Ее не задушили?

– Задушили, и предположительно тем же самым платком. Характер удушения точно такой же, как в первом случае. Сходится очень многое – она не была ограблена, видимых причин для убийства никто не знает. Но ее изнасиловали.

– Как?... – растерянно спросила Катя. – Вы думаете, тот же самый убийца...

– Тот же почерк, – жестко сказал следователь. – С нее сняли одну часть туалета...

– Да, да... – Катя закивала. – Мне сказала мать Иры... Значит, это все же маньяк...

– Ну вот, вы и сами это поняли... Разрешите курить?

Он достал из кармана сигареты и предложил сперва Кате. Она отказалась и некоторое время смотрела на то, как он выпускает дым и щурится. Потом подала голос:

– Вы можете предположить, почему убийца выбрал именно их?

– А вы? – ответил он вопросом на вопрос. – Как вы сами думаете?

– Не могу понять. Они никому не сделали ничего дурно-

го... Во всяком случае, за Лику я ручаюсь.

– Почему именно за нее? А за Ардашеву – нет?

– Потому что... – Катя мучительно искала нужные слова. – Потому что Ира Ардашева, знаете, была таким человеком...

– Каким?

– Довольно жестким, могла сказать как отбрить, могла напрямую заявить, что она о тебе думает... Не выбирала слов, когда волновалась и хотела высказаться. Конечно, это причина недостаточная, чтобы ее убить... Да и убил, видимо, какой-то маньяк, а среди ее знакомых такого... – Она осеклась, и следователь немедленно ее подбодрил:

– Продолжайте. Я не буду вам мешать. Говорите все, что хотите, все, что придет на ум. Почему вы остановились?

– Потому что я, в сущности, общалась с ней не много и ничего не знала о ее знакомых... – медленно сказала она. – И кроме того, как можно заподозрить маньяка в твоём знакомом? Конечно, пока он не набросит тебе платок на шею... Вы как думаете, это кто-то со стороны или все же кто-то из ее окружения?

– Окружение у Ардашевой было слишком большое, – вздохнул следователь. – Работа к тому обязывала. Мы могли бы, конечно, искать всех, кого она стригла, с кем иногда виделась. Но это отнимет очень много времени. А этот человек, кто бы он ни был, не дает нам такой форы. Второе убийство произошло на другой же день.

– Вы думаете, это один и тот же человек? – спросила Катя. – Он убил их специально? То есть я хочу сказать, специально убил именно их?

– А почему вы так думаете?

– Нет, это вы думаете! – поправила его Катя. – Чтобы что-то думать, надо что-то знать, а я не знаю ничего. Вы нашли что-то общее в его поведении? – Поймав его взгляд, она пояснила: – Не удивляйтесь, что я так говорю. Когда-то я начинала работать как журналистка, и осталась привычка задавать подобные вопросы.

– Да, нашли что-то общее... – медленно проговорил он. – Трусики с обеих женщин были срезаны, притом что колготки не были сняты до конца.

– И я так подумала! – воскликнула Катя. – Ее мать, то есть мать Иры, рассказала мне, в каком положении нашли ее дочь, и я сразу поняла, что трусики были срезаны. Иначе он не мог бы их снять.

– Вы верно догадались. Он воспользовался в обоих случаях одними и теми же тупыми ножницами. Очень спешил и потому оставил на обоих трупах царапины. В характерных местах... – Он показал на своем бедре где. – И это для нас все равно что визитная карточка, скажем. Ну, как если бы воспользовались одним и тем же оружием.

– Ясно, – кивнула Катя. – Да, в таком случае можно утверждать, что это один и тот же человек... Но есть ведь одна разница...

– Изнасилование? Действительно, тут расхождение. Но пока мы ничего не можем установить. Почему в первом случае он ограничился подобной фетишистской кражей, а во втором ему понадобилось еще и это... Но такое тоже бывает.

– Да, конечно... – Катя сгорбилась и сложила руки на коленях. – А скажите, почему он выбрал именно этих женщин? Они жили в разных районах, работали в разных местах, редко встречались... Случайно?

– Эту версию мы исключили. Он действовал избирательно, и это неприятней всего. В первом случае он знал, на что шел, – выкрутил лампочки в подъезде. Во втором – дожидался, когда Салахова выйдет с работы; она ушла последней, значит, он заметил ее и дожидался, когда она выйдет. В любом случае первое убийство было совершено не случайно. Насчет второго можно спорить, но есть один момент, который исключает случайность и тут.

Он как-то особенно пристально посмотрел на Катю, и ей вдруг стало не по себе от этого взгляда.

– Что же это за момент? – спросила она, чтобы прервать это разглядывание.

– Тот момент, что обе женщины, как вы сказали, совершенно разные, живущие в разных районах и прочее, тем не менее связаны одной особенностью. Они обе учились в одном классе одной школы и вместе ее закончили. Я прав?

Катя пожалала плечами и не нашлась что ответить.

– Ведь и вы учились с ними? – продолжал следователь. –

Вы все – школьные подруги?

– Да... – пробормотала она наконец. – Но что это, по-вашему, значит? Что он почему-то решил убить всех бывших выпускниц из одного класса? Тогда он должен как минимум быть нашим знакомым...

– И к сожалению, именно это мы и предполагаем, – сказал следователь, вздохнув. – Есть у нас еще одно подозрение.

Катя ждала, когда он скажет ей, что же это за подозрение, но вместо этого он закурил новую сигарету, а окурочек прежней раздавил в пепельнице. Он молчал, и она не выдержала:

– Вы мне ничего не сказали!

– Разве? – словно опомнился он. – А вы-то сами ни о чем не думаете?

– Как я могу о чем-то думать?... – Катя начинала испытывать раздражение. Сперва следователь ей понравился, особенно понравилось то, как он с ней разговаривал – просто, доверительно, без занудных вопросов. Она не думала, что с ней будут говорить именно так. Но его молчание не нравилось ей все больше. – Вы начали что-то говорить и не закончили. И вот я жду.

– Так что ж... – вздохнул он. – Видите ли, пока именно тот факт, что обе женщины учились в одной школе, является для нас основным связующим звеном в этом деле. Именно поэтому я веду оба дела сразу – оба убийства. Я-предполагаю, что они относятся к одному делу. А вы...

– Что – я?

– Вы ведь тоже учились с ними. И у меня есть подозрение, правда, еще неясное...

Катя вдруг поняла, а поняв, внезапно вспыхнула:

– Вы думаете, что он и меня убьет?

– Не думаю, что убьет, вернее, думаю, что теперь ему будет труднее это сделать, ведь вы знаете о смерти ваших подруг. Но есть такая мысль. Не знаю почему, но есть. Может, потому, что за исключением одной школы женщин этих ничто не связывало.

– Но послушайте... – Катя рассмеялась, и смех этот ей не понравился – он получился визгливым, неестественным. Она заставила себя замолчать и спустя минуту сказала: – Но это просто нелепо. Кому это нужно?

– Это мы и пытаемся понять. – Он сменил доверительный тон на деловой: – И вы нам должны помочь.

– Нет, вы действительно думаете, что теперь он захочет убить меня? Меня? – Катя не находила слов от волнения. – Но почему именно меня?! Почему?! Ведь если вы решили, что он убивает моих одноклассниц, точнее, не моих одноклассниц, я тут ни при чем, я не являюсь точкой отсчета... Просто учениц одного класса. Так ведь нас же было двадцать шесть человек! Вычесть парней – останется меньше половины, человек двенадцать – одиннадцать, у нас в классе почему-то было больше мальчишек, чем девчонок, хотя чаще бывает наоборот. И почему вы думаете, что он захочет убить именно меня?

– Вас или кого-то другого, – сказал он. – Вам будет легче, если это случится?

– О чем вы говорите?... Но все же вы сказали – убить меня! Я хочу знать – почему?! Вы что же, располагаете какими-то фактами?

– Никакими, – устало сказал он, и она только сейчас заметила его глаза: с такими же покрасневшими веками, как у Тимура. Он провел бессонную ночь. – Никакими особенными фактами мы не располагаем, только теми, что вы виделись с обеими жертвами именно в день их гибели. Это верно?

– Да, тут вы правы... – Она задумалась. – И о чем это говорит?

– Ни о чем. Но вы можете вспомнить что-то, в отличие от других ваших одноклассниц.

– А, так вы потому решили, что я паду следующей жертвой, что я была дружна с обеими... – Она осеклась, чуть не сказав «жертвами», как он, но в конце концов не сказала ничего. – Да, мы дружили со школы, иногда виделись, пожалуй, тут вы правы. Это нас как-то объединяет. Для вас это важно?

– Важно все.

«Где я это слышала? – подумала Катя. – Важно все. И мы были подругами, верно. Мы учились вместе, мы поддерживали отношения. Наша неразлучная четверка – Катя, Лика, Ира, Лена... Лена! Она-то, надеюсь, жива?!» И она немедленно задала этот вопрос. Реакция следователя была молниеносной.

– Лена? Ничего о ней не знаю. Кто это?

– Ну как же... Наша подруга. – Катя оживилась. – Мы дружили вчетвером, понимаете? Держались немного особняком, ну, как обычно бывает в школе... Тесные компании. Я, Ира, Лика и она. Если уж вы решили искать среди ближайших подруг убитых новые жертвы, то это будем мы: я и Лена. Вот я вас и спрашиваю.

– У вас есть ее координаты?

– Телефон. – Катя достала записную книжку и продиктовала следователю телефон Лены Напалковой. – Прошу вас, позвоните ей сейчас! А то и вправду что-нибудь случится!

– Подождите меня тут.

Он вышел из комнаты и отсутствовал несколько минут. Катя за это время успела о многом подумать и в конце концов пришла к одному выводу: случайности в этом деле быть не могло, тут следователь был прав. Могло быть что угодно, но не случайность. «Маньяк обычно действует в своем любимом районе или убивает женщин, как-то отвечающих его личному вкусу, то есть достаточно однотипных, чем-то похожих. Но чем могли быть похожи Ира с Ликой? Ничего у них не было общего, кроме того, что мы учились вместе и после не теряли друг друга из виду. И все же он выследил их, подстерег, убил и обошелся с ними почти одинаково, если не считать того, что Лику изнасиловали... Лика, несчастная Лика... Что будет с ее сыном? Тимуру он не нужен... А сын Ирки? Кому теперь нужен он? Кому вообще нужны чу-

жие дети? Все охают и ахают: ах, сиротки! Но стараются держаться от чужих сирот подальше, чтобы не навлечь на себя расходы и проблемы... И теперь судьба этих детей сложится совсем иначе, чем в том случае, если бы их матери остались живы... У меня детей нет, никто не осиротеет. Да что это я?! – оборвала она сама себя. – Что за мысли? Осиротеет! Да разве меня убьют? Разве смогут? Разве захотят?! Кому я сделала зло?» И тут же она поймала себя на мысли: «Сделала, и даже очень сделала». Но думать об этом сейчас не было смысла, иначе это увело бы ее слишком далеко.

Следователь вернулся и, встретив ее взгляд, покачал головой:

– Ее нет дома, она на работе. Я говорил с ее сестрой.

– С Наташей?

– Да, ее зовут Наталья. Она моложе своей сестры?

– Да, у них большая разница, во всяком случае, вместе они не учились, – вздохнула Катя. – Так что ее из числа будущих жертв можете исключить. Но с Леной все в порядке?

– Да. Она должна вернуться через час. Тогда я поговорю с ней самой. Я предупредил сестру, чтобы она, в случае если та позвонит, велела ей немедленно возвращаться домой и быть осторожной.

– А мне? Мне тоже надо быть осторожной?

– А как вы думаете? – Следователь потер лицо рукой и снова уселся напротив Кати. – Я вам прямо скажу, что такие дела ненавижу. Больше всего.

– Ненавидите разговаривать с будущими жертвами? – уточнила Катя. – Или ненавидите маньяков? Вам случалось уже заниматься подобными делами?

– Это моя специальность.

– Тогда вы ненавидите свою специальность, – вздохнула она. – Что ж, бывает...

Следователь никак не прокомментировал ее замечание, а предложил ей ответить на несколько вопросов. Сам он закурил новую сигарету и снова предложил Кате пачку. «Рассеянный следователь, не запомнил, что я не курю, – подумала она. – Нам, девочкам из 10 „А“, крупно повезло. Маньяк, которого ловит рассеянный, невыспавшийся следователь».

А он тем временем задавал вопросы:

– Когда вы виделись в последний раз с Ардашевой?

– Позавчера, пятого мая. Я у нее стриглась. Я всегда стригусь у нее.

– Вас не было в списке, который мы у нее нашли.

– В списке?

– В списке, куда она вносила желающих подстричься у нее в тот день. По записи.

– А, ничего удивительного, она меня никогда не вносит... – начала было Катя, а закончила, после запинки, куда тише: – Не вносила. Стригла без очереди. Как старую знакомую.

– О чем вы говорили?

– Не помню. Ни о чем.

– Как так? – Он поднял на нее усталые глаза, перестав чиркать ручкой в блокноте. – Прошу вас вспомнить. Вы сами понимаете, что это важно. Ну, например, не говорила ли она, что у нее неприятности? Что кто-то ее преследует, что она встретила недавно старого знакомого и тому подобное?

– Вот как раз ничего подобного, – возразила Катя. – Надо знать Иру. Она никогда не жаловалась ни на что. На личные дела тем более, была сильной личностью, так все и считали, еще со школы.

– Прекрасно, но о чем-то вы все же говорили? Никогда не поверю, чтобы парикмахер стриг кого-то молча, особенно своего знакомого.

– Ну, о чем-то, не более... Она говорила, что хотела бы отдохнуть в этом году где-нибудь за рубежом, спрашивала меня, где дешевле и лучше. Я рекомендовала ей Словакию. Я работаю в турагентстве, – пояснила она следователю. – Со мной консультируются многие мои знакомые.

– Прекрасно. Что-нибудь еще? Какие-нибудь имена называла? Может, кто-то назначил ей встречу и она торопилась вас постричь и уйти?

– И снова нет. Я повторяю, не было сказано ничего особенного, вообще ничего, что запомнилось бы. Она просто болтала ни о чем. Говорила, что мне надо остричься покорооче, чем обычно.

– Почему?

– Ну, это надо было спрашивать у нее... – вздохнула Ка-

тя. – Я осталась недовольна результатом. Во всяком случае, я привыкла к чему-то другому. Я всегда стриглась у Иры и не ожидала ничего радикально нового. Пожалуй, вот единственная необычная подробность нашей встречи – моя стрижка. Я чуть не заплакала, увидев, что она мне настригла. Будто назло.

– Будто или все же назло? – Следователь внимательно смотрел на нее. – Вы поссорились с Ардашевой? В-тот день или до этого?

– Никогда, – отчеканила Катя. – Во-первых, мы редко виделись, чаще всего именно когда я стриглась, а потому у нас никогда не возникало серьезных разногласий. Если и были, то какие-то бабские пустяки, вроде несходства вкусов в одежде или еще в чем-то.

– Но все же вы считаете, что в тот день она была настроена несколько необычно?

– Постригла она меня необычно, а настроена была самым обычным образом, – пояснила Катя. – Нет, ничего необычного не было. Я бы заметила.

– Хорошо. – Он провел у себя в блокноте горизонтальную черту. Катя это отметила по движению ручки. – Теперь расскажите, что вам известно про жизнь вашей подруги.

– Обычная жизнь. Не тема для разговора... – Катя пожала плечами. – Работа и сын.

– Она одна воспитывала ребенка?

– Да. Отца никто не знал.

– То есть они не были в разводе или в ссоре? Его просто не знали? Так я понял?

– Не так. Ира, конечно, знала отца. Она не из тех, кто может родить от случайной встречи. Я уверена, что она потерпела какую-то личную катастрофу. После этого она замкнулась еще больше, хотя и прежде общительностью не отличалась.

– Когда это случилось?

– Что именно?

– Катастрофа.

– Тогда же, когда она забеременела. Ее нельзя было узнать. «Не подходи – убьет», как линия высокого напряжения. Потом она стала потише, но все равно что-то в ней перегорело. Наверное, она надеялась на семью. А вышло иначе.

– Еще что-нибудь можете добавить? Ее старые приятели? Друзья, сожители? Знаете кого-нибудь?

– Никого.

– Но что-нибудь слышали о них? От нее самой или от подруг? Как я понял, вы вчетвером дружили очень тесно.

– И это нас погубит... – пробормотала Катя.

– Что вы говорите?

– Ничего, глупости. Странно, что кому-то помешали мои подруги и могу помешать я сама. Надо быть настоящим маньяком, чтобы додуматься до такого. Вы действительно уверены, что это может быть кто-то из наших знакомых?

– Не важно, в чем я уверен. Пока об этом рано говорить.

Что ж, раз вы больше ничего не можете рассказать об Ардашевой, перейдем к вашей второй подруге.

Катя машинально оглянулась на дверь. Он перехватил ее взгляд и спросил:

– Какие отношения были у Салаховой с мужем?

– Плохие... – Катя не сразу решилась сказать это, но все же сказала. В таком деле она боялась скрывать или вуалировать что-либо. Она прекрасно понимала, что это может обернуться чем-то серьезным. – Она мне пожаловалась на его неверность.

– Вчера?

– Во время нашего вчерашнего разговора. Я к ней заехала по ее просьбе, хотя в общем-то встретились мы чисто случайно, спонтанно.

– Почему – случайно?

– У меня оказалось дело в этом районе, по работе. И вышло так, что Лика про это узнала и просила меня зайти, поговорить.

– Значит, вчера она была расстроена, возбуждена? В отличие от Ардашевой?

– Да, – твердо сказала Катя. – Она сперва вела себя обычно, шутила, смеялась, потом вдруг стала плакать и сказала, что муж ей неверен. Она боялась распада семьи. Это уже второй ее брак.

– Ребенок, как я понял, у нее от первого брака?

– Да, но Тимур его усыновил, она мне рассказывала.

– Скажите... – начал он, но она по его глазам догадалась, что услышит, и перебила его:

– Послушайте, я в это не верю. Это не Тимур. Он мог ей изменять, но я никогда не поверю, что он убил ее только затем, чтобы избавиться от надоевшей жены. Для этого существует развод. Кроме того, зачем тогда связывать эти два убийства? Ведь Иру он убил бы вообще зря.

– Насчет развода не соглашусь, бывают разные ситуации... – Следователь почему-то улыбнулся. – А вот насчет ее мужа вы меня несколько опередили. Я вовсе не хотел сказать, что это он.

– Но вы подозреваете именно его?

– Не можем исключить такую возможность, хотя я лично в это не верю. Но то, во что я верю и во что не верю, никого не касается. Во всяком случае, к следствию мою веру не приобщишь. Нужны факты, а факт тот, что Салахова ссорилась с мужем вчера, и весь коллектив ее мастерской знал это. Она жаловалась подругам весь день, пока они не разошлись. Когда же она сама решила уйти, кто-то убил ее на обратной дороге к дому.

– Ясно, – хмуро сказала Катя. – Но не в подъезде?

– Нет.

– Он ведет себя не совсем так же, как в первый раз, верно? – заметила она. – Это характерно для маньяка или нет?

– Его поведение прежде всего характерно для человека, который тщательно обдумал эти два нападения. Он убил обе-

их женщин в тех местах и в такое время, когда ему никто не мог помешать. Та дорога, по которой шла Салахова домой, в это время совершенно безлюдна, и можно быть уверенным, что никто не помешает сделать задуманное.

– Для этого надо следить, для этого надо всех нас знать, – пробормотала Катя. – Да, вы правы, это кто-то из наших знакомых. Или из знакомых Лики и Иры – общих знакомых, с которыми я знакома не была. Если это так, то мне ничто не угрожает, верно?

– Я хотел бы, чтобы это было так. И все же вспомните, не говорила ли она, что чего-то или кого-то боится? Может, упоминала кого-то?

– Нет, ничего подобного. Жаловалась на личные проблемы, больше ничего... Переживала, что муж не успеет сделать ремонт до ее отпуска, они вместе собрались ехать в Эмираты.

– Значит, отношения все же были достаточно прочными, если они задумали совместную поездку?

– Спросите у Тимура... – вздохнула Катя. – Кто его знает? Может, ему просто были нужны лишние руки, чтобы тащить сумки с товаром... Впрочем, я несправедлива. Простите меня.

– Да не за что мне вас прощать. – Четвертая сигарета задымилась в его руке, и Катя подумала, что он устал так, что вряд ли что-то запомнит из того, что она ему сообщила. – Скажите лучше, можете ли вы составить мне список ваших

общих знакомых? Пока я имею в виду всех, подчеркиваю, всех ваших знакомых. Я не требую, чтобы вы сделали эту минуту, знаю, что это невозможно. Но я прошу вас посвятить этому сегодняшней день. Вечером я заеду к вам и заберу результаты. Договорились?

– Конечно. – Следователь снова стал нравиться ей. Молодой, усталый, приятное лицо. Образ грубого мента – расхожий стереотип – значительно побледнел после этой встречи. – Я напишу сегодня на работе. И знаете что? Вы попросите Лену, чтобы она сделала то же самое. Я могу кого-то забыть. Она тоже журналистка... – Катя замялась. – Впрочем, я напрасно говорю «тоже», ведь я давно занимаюсь не своим делом. У нее хорошая память, и она вам поможет лучше, чем я.

– Вы мне очень помогли. И я прошу вас, будьте в эти дни особенно осторожны. Никаких поездок в чужих машинах, подчеркиваю, никаких. Никого не зовите в гости и сами никуда не ходите. Старайтесь везде появляться вдвоем с человеком, которому вы доверяете, хотя мне и страшно советовать вам это.

– Потому что именно этот человек может оказаться тем самым? – уточнила Катя. – Тогда мне лучше всего соблюдать целибат.

– Что?! – удивился следователь.

– Обет безбрачия у католических священников, – мило улыбнулась Катя. – Ни с кем вообще не общаться. А вы луч-

ше дайте мне охрану.

– Сам бы вас охранял, да не могу. – Тут он тоже улыбнулся, предлагая оценить шутку. – И приставить к вам кого-то тоже. Прошу быть бдительной, и тогда, надеюсь, вы обойдетесь и без охраны. Женщины погибли именно потому, что не соблюдали простейших правил осторожности, которые теперь станете соблюдать вы.

– И Лена?

– И она.

– И все мои одноклассницы? Все те девчонки, которые учились в нашей школе в выпускных классах? А то и во всех?

– Вашу иронию я ценю, – сказал он довольно грустно. – Но для меня она означает только огромный объем потенциальных жертв. Мне надо сузить этот круг, этим я и буду заниматься. Помогите мне! Я говорил с вами не так, как требуют правила форменного допроса, потому что вы для меня не обыкновенный свидетель. Вы, если даже вам это не по душе, потенциальная жертва, да, да, не качайте головой. И я не хочу, чтобы потенциальная энергия перешла в кинетическую.

– Всегда была не в ладах с физикой, но на этот раз я вас поняла. – Катя поднялась и взяла сумочку. – Всегда лучше учиться на жизненных примерах... Вот моя визитка, тут мой домашний адрес и телефон, а вот рабочие... И простите, ради Бога, но не могли бы вы повторить, как вас зовут? Я думала о другом, когда вы представлялись.

– Неудивительно. А зовут меня Василий Андреевич Бы-

лицкий. Вот мой телефон.

– Домашний?

Он улыбнулся и покачал головой.

На работу Катя попала в половине пятого. Она могла бы приехать туда и раньше, но у нее сейчас не было сил возвращаться, разговаривать с Димой и с Зиной, рассказывать им про эти убийства (или не рассказывать?). Диме рассказать, Зина обойдется – таково было ее решение. Целый час она бродила по улицам, останавливалась перед витринами, не видя того, что было за ними, сидела где-то на лавочке у фонтана и отшила парочку уличных приставал, которые пытались к ней обратиться. Все это время она обдумывала рекомендацию следователя быть осторожной, очень осторожной.

«Я буду очень осторожна, но как это совместить с моей жизнью? – думала она. – Возможно, маньяк сейчас следит за мной, ведь я одна, меня некому защитить.

Он торопится, почему он торопится, как будто что-то гонит его? Что-то или кто-то? Но что толку думать, что и кто, для этого надо знать, кто он такой. Кто он такой...»

Она поехала в агентство и уселась за свой стол. Дима отсутствовал, и она была этому рада. Зина болтала в своей комнатухе по телефону со своим другом или с кем-то еще, не имеет значения. Для Кати сейчас ничего не имело значения, кроме этих двух убийств. Она взяла чистый лист бумаги, ручку, пожелала мысленно, чтобы никто не захотел нику-

да ехать и не отвлек ее, и углубилась в составление списка. Дело шло туговато – кого включать, а кого нет? Если включать всех, не хватит бумаги, не хватит милиционеров, чтобы найти всех, кого она запишет; если подойти к делу избирательно, записать только тех людей, с которыми общались все четыре подруги, среди них может не оказаться убийцы. «А почему четыре подруги? – спросила она у себя и погрызла кончик ручки, совсем как в школе. – Четыре танкиста и собака. Четыре мушкетера. Нас было четверо, и вот уже двое. Никто не воскреснет, как бывает в замечательных фильмах, от которых сходишь с ума в детстве. И надо быть внимательной, очень внимательной...»

Она написала несколько фамилий и снова задумалась. «Лика. Лика. Он снял ее трусики. Будут искать мужчину, который снял трусики с двух женщин. Первые белые, кружевные, с красным бантиком, привередливость Иры облегчила следствию задачу. Раз он маньяк, то добровольно со своим трофеем не расстанется, будет его беречь, будет выделять с ним свои мерзкие штуки, знаю я какие. Но Лика никому не облегчила задачи. Она могла носить что угодно, а могла не носить ничего. Что искать – непонятно. Но что-то на ней было надето, иначе почему он расцарапал ей бедра ножницами? Что?» И вдруг она поняла, что знает – что. Лика при встрече была в короткой, очень короткой юбке-стрейч. Когда она села в кресло напротив Кати, юбка задралась, Лика перекинула ногу за ногу, и в краткий миг трусики мелькну-

ли перед глазами Кати, она еще подумала, что Лика, как всегда, очень развязно себя ведет. «Их цвет? Серые? Нет, с какой стати серые... Белые? Только не белые. Кажется, сиреневые, да, скорее сиреневые, сильно застиранные... Или серовато-сиреневые. Что-то дешевое, разумеется. Я уверена, что это так?» Она сказала себе: «Да, я уверена, я не ошибусь, если надо что-то вспомнить, я обязательно вспомню, отец всегда говорил, что память у меня фотографическая, даже спустя долгое время я могу вспомнить что угодно. Он говорил – это драгоценное свойство. Он сам был такой. Помнил все, ничего не забывал. Я в него, и хоть этим я могу немного гордиться. Маньяк еще не знает, с кем связался. Он ничего не знает, а я уже кое-что знаю. Будь уверен, голубчик, когда ты станешь убивать меня, я отвечу тебе чем-то получше, чем твой паршивый платок и твои говенные ножницы, которые ты даже не успел наточить! Я ничего не боюсь, у меня нет детей, ничего у меня нет, ты, гадина!» Она записала рядом со списком знакомых: «Лика – сиреневые трусики». И задумалась снова, уже надолго. К ней заглянула Зина:

– Привет! Что-то ты зачастила бегать в рабочее время? Опять к клиенту?

– Ну да... – мрачно ответила Катя. Она перевернула листок и недобро посмотрела на Зину. – А что? Меня кто-то искал? – Она вдруг вспомнила мужчину в рубашке «сафари». – Ко мне приходил такой тип, вроде как прямо из Африки? – осведомилась она.

– Негр, что ли? – поразились та.

– Белый, то есть красный. Мужик лет пятидесяти. Он хотел на Багамы.

– Значит, перехотел, – покачала головой Зина. – Никого краснокожего не было. Сплошная белокожая Москва. А что? Обещал деньги принести?

Катя кивнула.

– Известный треп. Мне вот тоже пообещали занести деньги, да не пришли. До сих пор жду. День какой-то неудачный. Не клиенты, а сплошные трепачи.

– День? Да... – рассеянно отозвалась Катя. – Но все же странно, что он не пришел. Я не думала, что он из таких.

Глава 5

К вечеру этого дня список знакомых был готов. Дома дело пошло быстрее – Катя достала выпускной альбом своего класса и просто переписала оттуда все фамилии учеников 10 «А». Призадумалась и добавила туда фамилии учителей. «Писать – так всех!» Учеников параллельных классов она пока решила не переписывать, а в случае нужды просто отдать альбом следователю – пусть разбирается сам. Со знакомыми после школы пошло труднее. Катя долго думала, кто же может представлять интерес. «Мои сокурсники с журфака МГУ? Но разве они знали моих подруг? Впрочем, Лену знали, но она-то пока жива... Мои преподаватели из университета? Сотрудники редакции, где я первое время работала? Чушь. Они-то знали только меня...» Ей пришло в голову, что, в сущности, совсем немного людей знали после школы ее подруг. «Мой муж, конечно, знал их всех. Моя мама, ее что, тоже вносить? Отец... Он всегда интересовался, с кем я дружу. Но его вносить бессмысленно. Кто еще? Кто? Тимур, муж Лики? Меня и Иру он, может быть, видел иногда, но Лену – никогда и ни в каком случае. Они с Ликой не общались. Но Лена жива. Дело, возможно, не в ней, а только в Ире и Лике. Маньяк? Маньяк, который знал только их двоих и хотел убить только их? Иначе получается, этот человек должен быть всеведущ, знать про всех нас все, а этого никто не

знает, кроме наших родственников и одноклассников... Если бы располагать большими сведениями, чем я сейчас...»

Ей вдруг подумалось – для того, чтобы располагать такими сведениями, необходимо убийство еще кого-то. «Тогда можно уже знать, чей это был знакомый: только Ирин и Ликин или наш общий... Но это слишком дорогая цена...» Она поморщилась. «Вот будет здорово, если убьют именно тебя, и как раз ты послужишь такой зацепкой для следствия, но ты сама уже ничего не узнаешь. Вот и не говори глупостей!» Она сердито отложила в сторону ручку и сложила исписанные листки. Ей захотелось, чтобы позвонил следователь, – поговорить с ним. Потом ей самой захотелось кому-нибудь позвонить. Мужа не было дома, хотя было уже десять часов. «Взял себе за правило приходить поздно, – подумала она. – Ну ничего. Может, он тоже ищет себе кого-нибудь, а мне только врет, что ему никто не нужен. Так пусть ищет! Недолго нам жить вместе. Пора решать».

Дима вез ее домой, но она настаивала на том, чтобы он не поднимался с ней, как ему хотелось.

– Ты в жутком состоянии! – утверждал он, глядя на нее. – Через пару часиков тебе понадобится помощь, я уверен, что у тебя начнется истерика! Ну как мне сказать тебе, чтобы ты не принимала все это близко к сердцу?! Я ведь сам их знал. Черт, это просто ужасно. Ужасно. Следователь ничего определенного не сказал?

– Ничего... – качала она головой. – Просил составить спи-

сок наших общих знакомых. Он думает, что маньяк из их числа.

– Почему?

– А ты не понимаешь почему? Как, по-твоему, велика вероятность того, что двух таких разных женщин, как Ира и Лика, живущих в разных районах, убьет совершенно случайно один и тот же маньяк. Сам подумай!

– Но это может быть просто случайность. Разве нет?

– Нет! – твердо отвечала Катя. – Пойми, он все про них знал! Где живут, где работают, когда возвращаются с работы, на каком этаже живут... И это были не случайные убийства, а спланированные заранее... А почерк у него своеобразный...

И она рассказала Диме про почерк маньяка. Тот призадумался и поехал медленнее. Сзади просигналила другая машина, и Катя положила ему руку на плечо.

– Не расстраивайся... – сказала она, неизвестно почему. Уж очень у него был растерянный вид. – Его найдут. Следовательно – специалист по этому делу, он сказал, что занимается всегда маньяками. Он обязательно его найдет. Может, ты тоже составишь список наших общих знакомых? Ну, для перевыполнения плана? Я, кстати, тебя уже внесла.

Он очнулся. Сзади просигналили еще раз, и он прибавил ходу. Говорил отрывисто, как всегда, когда волновался:

– Пойми, я боюсь за тебя! Если он убил их не случайно, тогда и ты...

Она кивнула и хмуро посмотрела в окно.

– Да, можешь не продолжать, – проговорила она, не глядя в его сторону. – Мне самой ужасно неприятно чувствовать себя будущей жертвой. Но следователь сказал мне то же самое, что ты сейчас. Если их убили, то и мне это грозит. Это я еще в состоянии понять. Но вот чего я понять не могу – кому, зачем все это понадобилось?! Ты себе представляешь более безобидное существо, чем Лика?

– Лика? – Он сунул в рот сигарету и закурил. – Ну, Лика отличалась весьма своеобразным характером, ее вполне могла пристукнуть чья-то жена. Помнишь, в школе она отбила парня у Матвеевой?

– Матвеевой Людки? – вспомнила Катя. – Ну да, как же! Это было просто нагло... Матвеева хотела выцарапать ей глаза. Но ты не забывай, что Лика была изнасилована. Это что, тоже сделала чья-то несчастная жена?

– Да, прокол, – согласился он. – А что скажешь про Ирину? Тоже безобидное существо?

– Нет, так я не скажу, даже если мне скажут, что о мертвых либо ничего, либо хорошо... – согласилась Катя. – Я и следователю сказала, что Ира была весьма языкаста, могла спокойно нажать себе парочку смертельных врагов только потому, что любила высказаться на чужой счет. Но разве за это убивают?

– Разве нет?

– Да нет же, за это могут сделать мелкую гадость, отплатить той же монетой, насплетничать, наврать про тебя за

твоей спиной, настроить против тебя близкого человека, но убить... Пойми, это шаг очень серьезный, если человек решился на это – значит, она ему чем-то очень крупно досадила... Или была опасна, но в это я не поверю! Какие уж такие страшные тайны могли быть у Иры, чтобы ее могли за них убить?!

– Опять тупик! – в сердцах сказал он.

– Ты прав, тупик, – вздохнула она. – Совершенно ничего не ясно... Но это кто-то из наших знакомых, тут я не сомневаюсь.

– Я тоже, – мрачно сказал он. – Послушай, список я могу составить, но туда попадут только школьные знакомые. Ты ведь тоже их туда запишешь?

– Обязательно, всех. Ну и ничего, что будут два одинаковых списка... Отдадим следователю оба. Я вот думаю, может, они и тебя будут допрашивать?

– Пусть допрашивают, сколько хотят, только бы нашли его скорей. Ты в опасности, если следователь прав. Я себе голову сломал, думая, как тебя защитить. Если бы ты жила у меня...

– Нет! – решительно сказала Катя. – Только не сейчас! Понимаешь сам, если выяснится, что я ушла от мужа и живу сейчас с тобой, мне обязательно зададут массу вопросов на наш счет. Зачем мне это надо?! Следствие следствием, но всем объяснять, почему я не могу жить с Игорем! С меня довольно подобных объяснений!

– Как все это мерзко...

– Мерзее некуда, ты прав. Мне надо пожить там до окончания следствия, так я думаю.

– Но там ты не будешь в безопасности!

– Почему? – удивилась Катя. – Мне сказали: не возвращаться домой поздно, не садиться в чужие машины, не ходить в гости и не звать гостей к себе. Этого, по-моему, совершенно достаточно, чтобы быть в безопасности! И не все ли равно, где я буду соблюдать эти правила! Кстати, сейчас я грубо нарушаю одно из них!

– Ты что?!

– Еду с тобой в машине, вот что! – вздохнула Катя. – Как мне объяснить следователю, что ты мне не чужой? И-надо ли это ему объяснять? По его логике, я должна разъезжать с мужем.

– Ясно... Да, ты права. Нам не стоит афишировать наши отношения, – уныло протянул он. – Но как ты собираешься возвращаться домой раньше? Народ скоро пойдет потоком, надо будет сидеть до вечера.

– Народу все равно, и мне тоже, – сказала Катя. – Честно говоря, я никого не боюсь. Можешь себе представить, что я не думаю, что маньяк убьет меня? Я знаю, что меня убивать не за что!

– Может быть, они тоже так думали...

– Послушай, в такие дебри я уже не могу углубляться. И так перед глазами стоят их дети – вот что самое ужасное!

Игорь вернулся только к половине двенадцатого. Катя за-

была следить за временем – так глубоко ушла в свои мысли, забыла вообще, что мужа до сих пор нет дома. Из задумчивости ее вывел только голос Игоря, который заглянул к ней в комнату.

– А, это ты! – воскликнула она, резко вздрогнув. – Напугал! Ты еще не знаешь, что случилось?

– Что еще случилось?

Он нерешительно вошел и присел в кресло. Катя обратила внимание на то, что вид у него был совершенно вымотанный и усталый. Под глазами – черные круги, руки дрожали. Она даже не сразу заговорила, рассматривая его и все больше удивляясь его состоянию. «Болен, что ли, до сих пор не полегчало? – раздумывала она. – Что с ним творится? Можно подумать, что это его хотят убить... А может, так и есть. Много ли я знаю о нем, о его делах на рынке? Вдруг что-то случилось?»

– У тебя все в порядке? – спросила она наконец. – Неприятности?

– Небольшие, – ответил он, отводя глаза. – Но это не важно. А что у тебя случилось?

– У меня пока ничего, но вот случилось с Ликой...

И она рассказала ему все – все, что узнала об Ире и о Лике. Он устало покачал головой:

– Ужасно. И ты думаешь, что тебе что-то грозит?

– Так думает следователь. – Ей стало обидно, что он воспринял эти новости не слишком эмоционально. «Ему как

будто все равно! – подумала она. – Да ему и вправду все равно, как ни поверни. Вот уж защитник!» А вслух сказала:– Следователь велел мне составить список наших общих знакомых. То есть знакомых Иры, Лики и Лены. Пока мы под подозрением. То есть подозревают, что мы все – жертвы! Я внесла в список тебя, будь готов к вопросам следствия.

– Меня? – Он едва ворочал языком. – Зачем меня? Это обязательно?

– Обязательно, – холодно сказала она. – Убийца – наш общий знакомый. Надеюсь, это ясно из того, что я рассказала?

– Мне – неясно.

– Ну, это только тебе неясно, все остальные только так и думают! – Катя заставила себя говорить спокойнее, хотя равнодушие Игоря раздражало ее невероятно. – Подумай сам на досуге над этим делом и убедишься, что это именно так. Ты ведь знал Иру и Лику?

– Иру – да, помню, а вот Лика...

– Ну, не притворяйся, что не знал ее! – воскликнула она. – Лику забыть нельзя, один раз ее увидев. Она ведь бывала у меня на днях рождения. Рыжая, густо покрашена. Ты ее знал.

– Господи, может, и знал... Мало у меня было других проблем! – Он тоже, похоже, начинал раздражаться. – Твои подруги меня мало волновали!

– О, не сомневаюсь! И все же ты знал их! И не говори, что не помнишь Лену!

– Кто такая Лена?

«Да он разозлился! – поняла она. – Вместо сочувствия он злится. Представляю себе, как он станет разговаривать со следователем! Никого не знал, ничего не помнит! Прекрасный свидетель. Можно убить на глазах у такого, а он даже не заметит. И этот человек – тот самый, которому я, по логике вещей, должна больше всех доверять?!»

– Лена, – объяснила она, – моя подруга, мы учились в МГУ на одном факультете. Прошу не забывать этого, ведь ты ее прекрасно помнишь! Ну такая маленькая полная брюнетка!

– А, помню... – протянул он. – Такая симпатичная?

– Ну слава Богу! Так вот, предполагается, что ее и меня тоже захотят убить! Пока что убили двух наших подруг. Ведь мы дружили вчетвером.

– Но пока ведь ее не убили?

– Что за вопрос – пока нет! Разве надо, чтобы ее тоже убили, чтобы ты загорелся интересом к этому делу?

– Нет, ее смерти я бы не хотел, – ответил он. – Очень душевная, милая девушка. Кажется, у нее дочка есть? Они у нас были?

– Ну да, есть дочка. Но и у Иры был сын, и у Лики тоже. И из них двоих хотя бы Лика была душевной. Хотя ты и говоришь, что не помнишь ее совсем.

– Да, да, конечно... – Он поднялся с кресла. – Прости, я совсем лыка не вяжу. Можно, я пойду спать? Целый день мотался по рынкам, пока сдал...

– Скажи... – Она смотрела ему в спину, когда он шел к двери. – Ты вот заметил, что не хотел бы смерти Лены. Нашел ее симпатичной. А вот моей смерти ты хотел бы? Только честно?

– Ты с ума сошла! – раздалось из коридора. – Конечно нет.

Она посидела еще немного в одиночестве, покусывая губу и глядя в стену. Перед ней на стене возникали картинки из далекого прошлого. Вот четыре девчонки в школьной форме сидят на сломанной скамейке среди цветущей черемухи. Месяц май, выпускной класс. Сквозь кусты виднеется спортивная площадка, по которой носятся пятиклассники, гоняют футбольный мяч. Они орут, бьют по мячу, поднимают столбы пыли. Девчонки морщатся, хотя от пыли их надежно защищает духовитая черемуха. Ирка курит, часто затягиваясь болгарской сигаретой. Ее русые волосы (тогда еще не обесцвеченные до снежной белизны) свободно падают на плечи. Другая школьница, рыжеволосая, похожая на остроносую лисичку, щурится в зеркальце, подводя свои глаза (тоже какие-то лисьи), то и дело облизывая языком черный карандаш. Одновременно она что-то рассказывает подругам, что-то, наверное, очень увлекательное и в то же время немного стыдное, потому что Кате неловко ее слушать. Лена, полненькая, смешливая, снимает очки (она очень близорука), кладет их в карман и, сразу изменившись в лице, как все близорукие люди без очков, тянет к себе цветущую ветку черемухи. Она долго нюхает ее, улыбается, и Кате ка-

жется, что она сейчас мыслями далеко-далеко от них. Потом она резко отпускает ветку, и черемуха осыпает девчонок маленькими белыми лепестками. Лена смеется. Сама Катя сидит не на лавочке, а на широком низком пеньке, у ног своих подруг. У них выдался свободный урок – математичка заболела. Через полчаса будет урок французского. Катя – лучшая по французскому, и приходится держать марку. Шорох ее обязательно вызовет отвечать, и важно не осрамиться. Она достает из сумки учебник и раскрывает его на нужной странице. Сосредоточиться трудно – мешают крики на площадке, запах черемухи и голос Лики. «Матвеева сама виновата! – говорит Лика, засовывая в сумку зеркальце и карандаш. – Что она разъелась, как корова! Кто на нее такую посмотрит? Конечно, он клюнул на меня». Лика говорит так, совсем не думая о полненькой Лене. Лена беспомощно смотрит куда-то своими близорукими глазами. Кате становится неловко за подругу, но она ничего не говорит ей. За кустами видна девчонка из их класса. Новенькая, потому с ней никто не дружит. Какой смысл знакомиться как следует, если через полгода даже не вспомнишь, что она была?

Девчонку зовут, кажется, Оля. Да, Оля, и Оля проходит мимо, уткнувшись в учебник французского языка. Лика быстро оборачивается, замечает Олю и говорит подругам что-то в том роде, что Оля – круглая идиотка, хотя и лезет в отличницы, по ее мнению, она доносчица и вообще Лика ее ненавидит. Оля выслуживается перед Шорохом, хо-

чет «пять» в аттестате, хотя на «тройку» не знает. Шорох – это учитель французского, он совсем молодой, только после института. С виду настоящий француз – обходительный, галантный, обожает красивых девочек. Лика находит, что он просто прелесть и вылитый Жерар Филип. Катя такого сходства не замечает. Шорох есть Шорох – немножко сальный, капельку пошловатый, любит пококетничать с ученицами. На самом деле он – Шахов Владимир Иванович, но когда он говорит что-то, то как будто шуршит – тихо-тихо, вкрадчиво, еле слышно.

Восьмое мая был день рабочий, но в редакции с самого утра начали отмечать грядущий праздник. Главный редактор делал вид, что этого не замечает. Он сперва сидел у себя, потом уехал в типографию и обещал вернуться к трем часам – к столу. Но стол действовал с самого утра, с начала рабочего дня, и вокруг этого стола сидели одни женщины.

– С ума сойти, журнал у нас женский, а редактор – мужик! – говорила одна, пожилая, иссохшая, в малиновой шелковой блузке. – Это же глупо. Верно, девочки?

Девочки согласились, что верно, глянули на прикрытую дверь и выпили. Пили вино «Монастырская изба», крепкие напитки ждали их впереди, когда вернется редактор и они окончательно усядутся за стол. Выпив, многие закурили, откинулись на спинки стульев, кое-кто расстегнул пуговицу на блузке и сказал, что очень жарко, настоящее лето. В это время зазвонил телефон.

– Лена, тебя!

Маленькая смуглая женщина встала из-за стола и взяла трубку.

– Я слушаю! – сказала она. – Кто? Как, это ты, Катюша...

– Да, – ответила Катя. – Представь, это я. Мне надо было позвонить тебе еще вчера, да что-то я поздно пришла в себя. Ну что? Ты все уже знаешь?

– Да, конечно... – Лена говорила негромко, потому что понимала, что к ее разговору прислушиваются все женщины, собравшиеся за столом. Все они уже были в курсе дела, все утро разговоров было только об этих двух убийствах. – Вчера вечером мне позвонили. Я должна была раньше прийти домой, но задержалась и поздно все узнала. Это ужасно.

– Ужасно, – эхом откликнулась Катя. – А как ты?

– Ты спрашиваешь в том смысле, жива я еще или уже нет? – спросила Лена. – Пока жива, хотя прийти в себя не могу. Хотелось бы поговорить с тобой. Увидеться.

– Конечно, я хочу того же. Ты скоро освободишься?

– Как тебе сказать... В принципе я свободна весь день, тут у нас небольшая пьянка, которая очень скоро перейдет в большую. Но я честно тебе скажу, что мне не до пьянок сейчас. Думаю, что и тебе тоже... Ты мне звонишь из дому?

– С работы. У нас как раз никакой пьянки нет, условия не позволяют. Но время у меня есть. Послушай, может быть, мы встретимся сейчас? Или вечером...

– Нет, вечером я буду сидеть дома, – вздохнула Лена. –

Так мне приказали.

– Да и мне тоже. Скоро станем совсем невыездными. Так, может быть, сейчас? Белый день, и он...

Кто «он», женщины поняли обе, и развивать эту тему им не захотелось.

– Хорошо. Я думаю, сейчас я смогу уехать, – сказала Лена, – где увидимся?

– Давай, по старой памяти, в «Революции», – предложила Катя. «Революцией» они называли кафе в здании Музея Революции на Тверской, и когда-то они с Леной бывали там вместе.

– Хорошо, – поняла та. – Сейчас половина первого, я смогу быть там в час. А ты?

– И я смогу. Давай, буду тебя ждать.

Лена повесила трубку и взяла сумочку и пиджак, висевший на спинке стула, женщины встретили ее движение дружным неодобрительным гулом:

– Куда ты собралась? Только сели!

– Девочки, простите, но меня ждут по делу, – сказала она. – Я вернусь часа через полтора.

– Это из-за убийств? – поинтересовался кто-то. – Милиция?

– Не милиция, но из-за убийств. Мне надо идти. – Она накинула пиджак, причесалась перед зеркалом, протерла очки и вышла.

Катя сидела за угловым столиком в кафе Музея Револю-

ции. Голова у нее болела, и на душе было скверно. Ночь прошла без сна, и теперь ей казалось, что она вот-вот ткнется носом в свою чашку кофе и отключится. Дима позвонил ей утром домой и предупредил, что заехать не сможет: возникли непредвиденные сложности с его новым другом – японцем и он должен срочно с ним увидеться. «Прости, – сказал он. – Мне страшно тебя отпускать одну, но, может быть, ты поймаешь машину?» – «С ума сошел, – сказала ему Катя. – А в машине будет сидеть убийца?! Лучше я пешком пойду...» Мужа об одолжении она просить не хотела – он крепко спал, да и к тому же ей хорошо запомнился его отказ отвезти ее к Ирине. Добиралась она городским транспортом и метро и постоянно ловила себя на том, что оглядывается, ищет знакомые лица в текущей вокруг нее толпе, чувствует на себе чей-то пристальный взгляд. И теперь она была совершенно измотана этим новым чувством подозрительности. «Если так пойдет и дальше, – сказала она себе, помешивая ложечкой кофе, – мне придется лечь в психиатрическую больницу. Начну подозревать собственного мужа!» В это время перед ней возник голубой пиджак, она подняла голову и узнала Лену.

– Слава Богу! – сказала Катя неизвестно почему и вдруг поняла, что сейчас заплачет. Лена быстро сняла очки, наклонилась, и подруги расцеловались.

– У тебя усталый вид, – сказала Лена, взглядываясь в нее. – Это из-за нашей истории?

– Да. И вообще, личные неприятности... – неожиданно призналась Катя. – Не знаю, что делать и к кому прислониться. Но это вопрос второй. Возьми себе что-нибудь и садись.

Лена заказала себе кофе, взяла бутерброд с сыром и пирожное.

– Потолстеть не боюсь, потому что всегда была толстой, – улыбнулась она, ставя все это на столик и усаживаясь. – А ты все такая же красавица.

– Перестань! Я бы на твоём месте не стала комплексовать из-за веса, – вздохнула Катя. – Помнишь, мы проводили опрос: сколько процентов мужчин предпочитают пухленьких женщин, а сколько – худых? И результат оказался не в мою пользу. Впрочем, это глупости. Расскажи сперва, как ты? Как с мужем?

– С мужем? – удивилась Лена. – Знаешь, наверное, он относится как раз к тем процентам, которые предпочитают пухленьких. С ним все прекрасно.

– Значит, ты исключение, – сказала Катя и тут же пожалела об этих словах. «Получается, что я пришла сюда в который раз рассказать одну и ту же историю. Нашла время, нечего сказать!»

Лена поняла и вздохнула.

– Значит, у вас с Игорем не наладилось, – медленно проговорила она. – Жаль. А я надеялась, что все будет хорошо.

– Уже ничего никогда не будет хорошо. Мы слишком много знаем друг о друге такого, с чем жить нельзя. Нет, не ду-

май ничего про Игоря. – Катя перехватила взгляд подруги. – Он болен и вряд ли интересуется кем-то. Ничего не изменилось, и ничего уже не изменится. А если изменится, то я уже об этом не узнаю. Знаешь, сейчас я, как никогда, близка к тому, чтобы уйти.

– Дима? – проницательно спросила Лена, и Катя кивнула. – Вы все еще вместе?

– Если это можно назвать «вместе», – подтвердила Катя. – Впрочем, что мы об этом? Я рада, что у тебя все хорошо. Тебе одной повезло из нас четверых.

– Повезло нам двоим, – поправила ее Лена. – Мы-то живы.

У Кати внезапно задергалось веко левого глаза. «Я не могу больше слышать об этом, но мне еще долго придется только об этом и слышать, – подумала она. – Что-то быстро я сдала. Впрочем, все происходит очень быстро. Слишком быстро». Она полезла в сумку и достала свой список.

– Вот, взгляни, – протянула она Лене листки. – Тебе ведь тоже велели составить такой? Это все наши общие знакомые.

Лена в ответ достала несколько листков из своей сумочки и дала их Кате. Женщины углубились в чтение.

– Все ясно, – сказала Катя несколько минут спустя. – Мы с тобой пошли по одному и тому же пути. Ты тоже вчера смотрела наш альбом?

– А что мне было делать? Что, у тебя все то же самое, что у меня?

– Ну, за исключением моего мужа. Можно было записать

еще наших университетских знакомых, но они ведь не знали ни Лику, ни Иру. А убили-то именно их.

– Верно, верно... – вздохнула Лена. – И в результате вышло одно и то же. Ты записала какого-то Тимура Салахова. Я его не знаю.

– Муж Лики. Я тоже его едва знаю, понимаешь, все это выглядит бессмысленным. Все эти люди не могли убить их. Зачем? Я задаю себе только этот вопрос.

– Маньяк не будет спрашивать: «Зачем?», – возразила Лена. – Он просто будет убивать. Ему причина не нужна, или у него есть такая причина, какую нам с тобой ни за что не вычислить. В прошлом году у меня был материал про маньяка, который убивал женщин только потому, что на них были черные чулки со швом сзади. Это – причина?!

– Он убивал женщин, которые были знакомы друг с другом? – ответила вопросом на вопрос Катя.

– Нет. Случайные встречи – на улицах, в метро, где-то еще. Тогда он шел за ними и, уловив момент, убивал. Иногда мог следить за жертвой пару дней, пока не представится случай. Представь себе, одна женщина спаслась только потому, что во второй раз, когда он ее увидел, на ней были джинсы. Джинсы его разочаровали, он не захотел ее убивать. Он сам признался в этом.

– А наш убивает совершенно разных женщин! Ты можешь себе представить, что Лика и Ира одевались похоже?!

– Нет, Лика одевалась настолько... – Лена сделала в воз-

духе некий округлый жест. – Словом, это невозможно.

– Вот видишь... Есть большая разница между тем маньяком, о котором ты писала, и нашим. Нашему, кажется, все равно, во что одета жертва. Ты уже знаешь про трусики?

– Да. – Лена криво улыбнулась. – Сегодня я надела свои лучшие – черные кружевные. На случай, если его встречу.

– Шутки у тебя... – поморщилась Катя.

– Это не шутки, – серьезно сказала Лена. – Я говорю тебе об этом, чтобы ты могла кому-то подтвердить в случае чего. Это будет уликой.

– Ты с ума сошла?! Какая улика?! Ты что, собралась умирать?!

– Не кричи.

Лена оглянулась по сторонам, но в кафе было почти пусто. Только в другом углу за столиком сидел одинокий мужчина и пил коньяк. На них он не смотрел – уткнулся в «Вечернюю Москву».

– Не кричи и послушай меня, дело это очень серьезное. Кричать тут ни к чему. Ты думала о том, что он может все это время за нами следить?

– Думала. – Катя судорожно придвинулась к подруге. – Я все время... Да что об этом!

– Что?

– Понимаешь, я сегодня весь день чувствую на себе чей-то взгляд. Это нервы? Или ты думаешь, это действительно...

– Я не психолог, чтобы отличать нервы от действительно-

сти, – устало сказала Лена. – Я никакого взгляда на себе не чувствую, но это еще не значит, что он за мной не следит. Да и по логике это не сходится – раз он следит за тобой, или ты думаешь, что он следит за тобой, как он может следить за мной?

– А если он не один? – неожиданно спросила Катя. – Тогда что?

Лена изумленно посмотрела на нее и вдруг полезла в сумочку. Достала оттуда пачку «Салема», машинально протянула Кате, когда та отказалась, закурила сама. Ее глаза за стеклами очков казались больше, чем в действительности, казались изумленными и детскими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.